

АРТЕМ ШУМИЛИН СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ

РЕВИЗОР:
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР: 7

**Серж Винтеркей
Артем Шумилин**

**Ревизор: возвращение
в СССР 7**

Серия «Ревизор», книга 7

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69727843*

Аннотация

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжаются. Павел Ивлев готовится к выпускным экзаменам и поступлению в Москве. Амбициозный комсорг механического завода набирает очки у московской элиты при помощи советов Павла, и обещает ему поступление в МГУ в благодарность. Некоторые из друзей Павла переживают сложные времена – он старается им помочь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	65
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Артем Шумилин, Серж Винтеркей Ревизор: возвращение в СССР 7

Глава 1

9 мая 1971 г. На улице рядом с домом Ивлевых-Домрацких.

– Тёть Рит, не волнуйтесь так. Он обязательно найдётся. – сказал я Славкиной матери, поймал щенка, бегом отнёс его домой и помчался в больницу.

Чего я только не представил себе, пока до больницы добрался.

Вот Славка дурак! Вот дурак! Только б не опоздать с его поисками. Перед глазами вставала картина, как меня, попавшего в Пашку Ивлева, Иван из полыньи доставал. Только не этим путем, Славка, только не сделай непоправимую глупость!

Больница вся уже была на ушах. Все понимали, чем эта ситуация чревата. Юрий Васильевич, оставшийся за старшего, допросил соседей по палате. Славка выиграл время, сказав им, что пойдёт погуляет в коридоре. Его спохватились

только тогда, когда пришла медсестра с вечерними уколами.

В холле больницы специально никто не караулит. Санитарка протирает холл регулярно, но охранять двери на улицу в её обязанности не входит.

– Похоже, упустили пацана, – с досадой констатировал Юрий Васильевич.

– А больницу всю осмотрели? – спросил я. – Чердак, подвал, подсобки... Куда он в пижаме пойдёт и больничных тапочках? У него обе руки в гипсе, ни раздеться, ни одеться.

И тут меня осенило! Я знаю, где он! Туда пешком час-полтора. Бегом уже не догоню. Машина нужна! Срочно!

Скорую или милицию вызывать нельзя, Славку на психиатрический учёт могут поставить, тогда прощай учёба и карьера. К Ивану обратиться с просьбой помочь, но дальше по инстанциям информацию не пускать? Но у него своей машины нет, с ним придется до отделения идти, и там чтобы была свободная... А вот до Ахмада минут пятнадцать, ну, десять, если бегом.

Эх, время поджимает!

* * *

– И куда он ломанулся? – спросил Юрий Васильевич дежурную медсестру, стоявшую рядом.

– Может, вспомнил чего? – предположила она.

– Или догадался, где наш беглец... – пробормотал док-

тор. – Только бы успел. А то все тут проблем не оберёмся!.. За пациентом с руками в гипсе не досмотрели, стыд и срам!

* * *

Только бы Ахмад был дома! Я бежал как на олимпийскую медаль. Запыхался так, что из горла свист вырваться начал. Повезло, отчим был дома. Один.

– Заводи... машину... – просипел я между вздохами.

Надо отдать ему должное, он тут же сорвался с места. Без лишних вопросов. Машина прогревалась ровно столько, сколько нам понадобилось, чтобы распахнуть ворота и закрыть их, выгнав копейку на улицу. Вот что значит наработал с ним репутацию, он меня как обычного пацана уже не воспринимает. Серьезно относится.

– Славка из больницы сбежал, – немного отдышавшись, объяснил я.

Мы проехали поворот на больницу. На машине всё так близко кажется, а пешком пойдёшь, откуда только такие расстояния берутся?

– Железнодорожный мост через реку знаешь?

Ахмад кивнул головой. Ну, хоть дорогу показывать не надо. Тем более, что я её не знаю. Зимой на лыжах через поля напрямки ехали...

Очень быстро мы доехали до этого чёртова моста, меньше десяти-пятнадцати минут. Но Славка уже был там.

Наступил вечер, солнце садилось. Славкин силуэт был хорошо виден на фоне неба. Славка не пошёл почему-то на мост, а стоял на краю высокого берега реки. Помнится, высота там была приличная.

– Сейчас самое главное – не спугнуть его, – сказал я. – А то ещё сиганёт с перепугу... Ахмад, давай, я попробую его отвлечь, меня он не воспримет, как опасность. А ты будь наготове, если у меня получится его от обрыва оттолкнуть – ты его примешь. Если мне удастся его отвлечь – ты его оттащишь. Только за руки не хватай и за рёбра, он весь переломан. Действуем, короче, по обстановке.

Ахмад кивнул. Вдвоём, стараясь не шуметь, мы побежали к Славке.

Если бы он сидел, а не стоял, всё было бы намного проще...

Сделал знак Ахмаду остановиться, а сам подошёл, перестав скрываться, немного сбоку, чтобы он заметил меня боковым зрением, и встал на расстоянии метров пяти, чтобы он не чувствовал опасности и не делал резких движений.

– И что ты здесь делаешь, что в больнице не лежалось? – мирно спросил я друга.

– Это было её любимое место, – слишком спокойным голосом ответил друг.

– Почему было? Оно и есть.

– Её нет.

Не понял? Неужели всё? А почему никто в больнице

об этом ни слова не сказал?

– Слав, что, из Брянска плохие вести? – перестав шифроваться, спросил я, искренне беспокоясь, и подошёл к другу ближе.

– Из Брянска никаких вестей, – по-прежнему слишком спокойно ответил он. – Вообще.

– Как ты меня напугал! Отсутствие плохих вестей – само по себе уже хорошая новость. Слав! С чего ты взял, что у неё всё плохо? – я подошёл к другу вплотную, обнял его за плечи и покосился на Ахмада.

Тот моментально оказался рядом. И подстраховал меня, перегородив Славке путь к обрыву.

– Ведем его аккуратно, – подсказал я Ахмаду, видя, как он в нерешительности примеряется к Славке. Загипсованные руки выглядели очень убедительно, и про сломанные ребра он тоже помнил.

Наконец, мы его, придерживая аккуратно за плечи, отвели к машине и усадили в нее.

– Как же ты всех напугал, – укоризненно повторил я другу. – Твоя мать с ума сходит! Больница на ушах. Ты чего, Слав? Эмма в себя придёт, а что мы ей скажем? Твой Ромео тебя не дождался? Бросил? Давай, друг, заканчивай с этим всем. Что ты раскис?

Славка молчал, глядя куда-то сквозь меня.

– Твоя помощь нужна Кларе Васильевне, – продолжал я, присев перед ним на корточки и пытаясь поймать его

взгляд. – Кто мелких братьев Эммы будет поднимать? – про Германа, оформившего на них опеку, я не стал благо-разумно упоминать. – А Эмма очнётся, ей столько денег на-до будет на реабилитацию! Одни логопеды чего будут сто-ить? Язык сильно прикусила! – пояснил я, заметив удивле-ние на лице Ахмада. – Там кончика языка почти не осталось.

– Это ж хорошо. Молчаливая женщина – счастливый муж-чина, – попробовал пошутить Ахмад, но Славка взглянул на него так, как будто тот богохульство в храме себе позво-лил. Ну да, не слишком удачная шутка вышла, мягко говоря. Ахмад, поняв это, виновато пожал плечами.

– Поедем, – сказал я Ахмаду, махнув на Славку рукой. – Там уже, небось, инфаркт у мамы. Вот о маме своей подумал? За что ей это?

– В больницу? – спросил Ахмад.

– Куда ж ещё? Там все с ног уже сбились, я ушёл, не сказав им, куда. Они там сейчас, небось, чердак обыскивают.

– Зачем? – впервые проявил какой-то интерес Славка.

– Вдруг, ты там повесился!

– Что я, дурак что ли? – оскорбился он.

Ага! Сейчас будет всем рассказывать, что просто закат по-смотреть ходил... А, может, оно так и надо? Меньше будет негативных последствий.

Сдали Славку Юрию Васильевичу. По нашим расслаблен-ным лицам он сделал вывод, что тот решил «режим нару-шить».

– Ну-ка, дыхни! – велел он Славке.

– Да не, он не успел, – стал защищать я друга. – Вовремя поймали.

Ответная ухмылка доктора навела меня на мысль, что не один я тут спектакль разыгрываю. Все Юрий Васильевич понял правильно. Но при нас делает вид, что все в порядке. А ведь главное – что он дальше будет делать, когда я уйду? А вдруг направит Славку к психиатрам, и останется о попытке самоубийства упоминание в его больничной карте – дальше никакая карьера ему не светит. Всю молодость истопником будет работать или улицы мести. С этим в СССР строго... С другой стороны, тут же вспомнил, как в Германии пилоту самолёта с черной депрессией позволяли пассажиров возить. Пока он вместе с ними в гору не спикировал. Так что можно понять, почему в Союзе так к психическим отклонениям относятся...

Решив дальше не ломать комедию, отвел доктора в сторону:

– Не надо его только к психиатрам, хорошо? Я с ним уже переговорил, и дальше сейчас продолжу. Не уйду сегодня, пока не буду убежден, что больше таких глупостей он делать не будет, – сказал я врачу.

Тот кивнул со странным выражением лица – ну, тоже понять можно. Февральский прыгун в реку пытается его убедить, что его друг так не сделает. Стандартной ситуацию никак не назовешь. С невозмутимым выражением лица такие

уверения выслушивать сложно...

Проводив Славку в палату и уложив его, ещё раз перечислил ему всех, кто остро в нём нуждается. Делал упор на то, что Эмма обязательно очнётся, потребуется длительная и дорогостоящая реабилитация. Кларе Васильевне это не потянуть от слова совсем. Кто будет Эмме помогать? Мать-ехидна? А может, Кабан поможет ее на ноги поставить?

О! Верную струну нащупал! Славка аж сел без рук в панцирной койке с провисшим пружинным основанием. В ней и с руками-то не так просто сесть! И лицо такое решительное стало и злое. Ну, теперь я за друга спокоен. Ожил! Кабану он Эмку свою не оставит!

Попрощались со всеми и поехали с Ахмадом домой. Там уже ждала мама с Аришкой. Ой, как же я соскучился по мелкой!

– Где вы были? – спросил я, забирая малышку у мамы.

– У Никифоровны. Кажется, мама собирается переезжать... – озабоченно глядя на меня, проговорила мама.

– Да? – старался я не демонстрировать сильно свою радость. – Ну, и хорошо. Москва станет ближе.

– А тебе не жалко ремонт на втором этаже? Лестницу? Столько сил и времени потратил.

– И денег, – подсказал Ахмад.

– Так не впустую же потратил. С такими улучшениями дом дороже продать можно будет!

Вернул Аришку маме, попрощался и пошёл домой. Ба-

бушка тоже уже вернулась от Никифоровны. Сидела за столом и читала письмо.

– От Инны? – поинтересовался я.

По ее лицу понял. Письма от сестры бабушка читала с совершенно особым выражением.

– Да, – подтвердила довольная бабушка, – уже переводится в Брянск в областную больницу.

– Отлично! – обрадовался я, что не в Ижевск переводится. – Когда она приезжает? Кстати, ты с Кларой Васильевной уже говорила, насчёт пустить Инну пожить у них в доме?

– Она сама говорила, мы обсуждали, но без конкретики. Мы же не знали, точно, надо нам будет или нет.

– Ну, обсуди, пожалуйста. И надо им платить будет обязательно что-то, у них же денег – кот наплакал. А сколько стоит снять дом в Брянске?

– Смотря какой...

– Короче, поеду Инну встречать, посмотрю, что там за дом.

Засыпая думал, что всё пока складывается более-менее. Даже переезд впереди реально замаячил. Осталось одна серьёзная проблема – Эмма. Не очень серьёзная проблема – выпускные экзамены и поступление в вуз. А еще будущая тёща. Проблемой её назвать язык не поворачивается. Это, скорее, ходячее недоразумение. И план по выводу на чистую воду её мнимой болезни уже начал приобретать конкретные черты.

В школе отсидели без приключений. Юльку педагоги продолжали игнорировать. Школьный комсорг с противной ухмылочкой потребовал от меня, как от нового комсорга класса, подготовки к завтрашнему дню собрания-суда «Юность обличает империализм».

– Это что за формат такой «собрание-суд»? – спросил я у Юльки.

– Обычное комсомольское собрание, на котором ты прочитаешь доклад. А остальные будут его обсуждать, – пояснила она. – Я напишу тебе текст.

– Я и сам могу, – пожал я плечами.

Детка, ты имеешь дело с профессиональным лектором общества «Знание» – усмехнулся я про себя.

И школьный комсорг, похоже, думает, что для меня это непосильная задача. Хочет меня в затруднительное положение поставить, думает, небось, что я с публичным выступлением не справлюсь. Ждёт тебя, мой хороший, гигантский облом!

На заводе не успел даже толком с путёвками разобраться, как у Ирины Викторовны в кабинете зазвонил телефон. Она вышла.

– Пойдём, Павел. Директор вызывает, – сказала она.

Совещание, на котором присутствовал также Ахмад, касалось результатов последней инвентаризации. Шанцева интересовали нарушения, которые не заинтересовали милицию, но имели место быть.

Ахмад с Ириной Викторовной недоумённо переглянулись.

— Я хочу знать, что происходит на вверенном мне предприятии, — твёрдо потребовал Шанцев.

Похоже, он под шумок от уголовного дела хочет завод под полный контроль взять. Ему не столько новые разоблачения сейчас нужны, сколько компромат на подчинённых, которым он их будет в узде держать и информацию с них доить.

Ну что ж. С волками жить, по волчьи выть. Воровство совсем искоренить не удастся, психология у советского человека такая: «всё вокруг народное, всё вокруг моё» и «не пойман — не вор». Если строишь коммунизм и выдвигаешь такие лозунги, то чего удивляться, что их буквально понимают?

И Шанцев, похоже, считает, что если воровство нельзя искоренить, то надо взять его под контроль. Хочет знать, кто, что и сколько у тебя под носом ворует, даже по мелочам, что милиции не интересно, и, если что, по рукам дать, чтоб не зарывались.

Спорный, конечно, стиль руководства, но не мне судить. Умей я руководить предприятием, возглавлял бы в прошлой жизни своё дело, а не промышлял бы волком-одиночкой, проводя аудит чужого бизнеса. Хотя, надо присмотреться к работе Шанцева. Может, пригодится в будущем.

На работе уговорил Галию отпроситься на час раньше. Мол, весна, погода чудесная, а мы с этой комиссией мно-

го перерабатывали, так что можем себе позволить пораньше уйти и прогуляться. И ее, и меня отпустили без проблем. Вышли на улицу.

План у меня был такой: расскажу подруге, как с биноклем город с высоты осматривал, когда люки обнаружить пытался. Упомяну, как это было красиво и интересно. Она обязательно заинтересуется. Захочет тоже посмотреть. И тут я вытащу из портфеля бинокль Терентия со словами: как хорошо, что ещё отдать не успел.

Главное выбрать точку обзора такую, чтобы окна квартиры родителей Галии хорошо просматривались. По-хорошему, надо было заранее пройтись, место выбрать. Но времени на это совсем не было. Поэтому, удача – наше всё!

Пока шли по городу, двигаясь в направлении дома Галии, лихорадочно озираясь по сторонам, искал подходящее здание. Оно должно быть объективно выше дома Галии, иначе можно было бы насладиться видами Святославля и с чердака их собственного дома. Водокачка, с которой мы недавно с Иваном люки искали, не подходит: с неё окна квартиры не видны, да и ключа у меня к ней нет. Старая пожарная каланча на холме, с которой тоже оперативники за машинами завода следили, отличное место, но далековато. И тоже, скорее всего, на замке. Может, на заброшенную колокольню подняться? Она совсем рядом и расположена удачно. Интересно, ступени там ещё есть? Подняться можно?

– Высокое место какое-то надо, – сказал я Галие. – Что-

бы обзор подальше был. Старая колокольня отлично подошла бы, но боюсь, там лестница уже сгнила.

– Чего это она сгнила? Она каменная! – возразила мне Галия. – А ну, пойдём! Мы там детьми постоянно лазили. Родители нас гоняли, а мы всё равно лазили...

Какая лихая у меня девчонка, бедовая.

И точно – на века строили, лестница оказалась в порядке. Поднялись мы на пустую звонарскую площадку, как раз солнце начало садиться.

– Какая красота! – восхитилась Галия открывшемуся пейзажу в лучах заходящего солнца.

Достал бинокль, настроил под себя, бегло осмотрелся. Окна квартиры подруги как на ладони. Отлично.

– О, твоя кухня! – закинул я наживку.

– Где? Где? Дай! – Галия забрала у меня бинокль.

Ну всё. Осталось только надеяться, что будущая тёща как-нибудь проколется. Если удача на моей стороне, Галия сама всё увидит собственными глазами.

По восторженным возгласам подруги и её коротким перебежкам по разным сторонам площадки, было понятно, что ничего криминального она пока не видит. Она периодически возвращалась на сторону, с которой был виден их дом. Я уж думал, что все пропало и моя задумка провалилась. А жаль – так хорошо все подстроил, вышли мы с завода на час раньше обычного, мать дочку сейчас совсем не ждет. Но, наконец, Галия задержалась на собственных окнах, и всё

больше хмурилась, пристально вглядывалась в них.

– Ты чего? – подошёл я к ней.

Она молча передала мне бинокль.

Не сразу подстроил оптику под себя, но, когда изображение стало чётким, я чуть не выронил бинокль от радости.

Оксана, забравшись на стол в гостиной, протирала подвески на люстре!

Йес! Йес! Йес!

Йееес!!!

Больная она, блин!

Немного взяв себя в руки, повернулся к Галие. Вид её разительно изменился: желваки играли, губы сурово сжаты, взгляд недобрый...

– Пойдём! – резко сказала она.

– Куда?

– Я съезжаю обратно к Анжеле! – ответила она. – Ты же сам видел, она притворялась все это время, напугала меня. Я ведь ей поверила! Корила себя, что была так резка с ней...

– Стой, стой, стой. Не руби с плеча. Это все же мать. Какая есть, родителей не выбирают. Она любит тебя и заботится как умеет. Пусть не всегда разумно поступает, но по большому счету, она желает тебе добра. Чего ты добьешься, если устроишь сейчас скандал и уедешь к подруге?

– На чистую воду ее выведу, – яростно возразила Галия.

– А потом? Дальше что будет? Вернуться домой планируешь?

– Нет, – ответила Галия, немного подумав, – не смогу с ней жить.

– Вот, – подхватил я мысль, – и получится, что ты будешь жить отдельно от родителей, предварительно разругавшись с матерью. То есть сожжешь мосты. И это все будет из-за одной ошибки твоей матери. Вполне обычной, кстати, ошибки. Такие попытки манипулирования детьми вовсе не редкость.

Галия кивнула. Вид у нее стал задумчивый, но было видно, что она колеблется. Эмоции еще бушуют внутри.

– А теперь подумай на пару шагов вперед, – продолжил я объяснять. – Мы собираемся тебя в Москву переводить учиться. И это все будет буквально через пару месяцев. Так зачем разрушать отношения с близкими людьми, если все равно жить отдельно скоро будешь? Ты ведь этим не только мать накажешь, но и саму себя, переживать ведь будешь. И отца накажешь, для него семья очень важна, и брата. Он балбес, конечно, иногда, но тоже тебя любит.

– Так и что мне делать? – воскликнула Галия. – Делать и дальше вид, что верю в ее болезнь?

– А почему бы и нет? – я улыбнулся. – Ты знаешь правду, ну и подыграй ей. Но так, чтобы при этом ей преподать урок. Дай ей почувствовать, что болеть не так уж выгодно и приятно. Что это не только забота окружающих, но и отсутствие возможности контролировать ситуацию. Твоя мать любит держать под контролем семейные дела. Такой опыт ей точно будет не по нраву. А ты не только отучишь ее притво-

ряться, но и сделаешь это мягко, не ругаясь и не выводя ее на чистую воду.

– И как ей дать это почувствовать? – в голосе подруги сквозила заинтересованность.

– Элементарно. Она начинает требовать чего-то или жизни тебя учить, тут же включаешь режим «мамочка ты больна, тебе вредно волноваться, давай ты выздоровеешь и тогда все пообсуждаем» или «не переживай мамочка, мы уже с отцом все обсудили и решили, чтобы тебя лишний раз не дергать, поправляйся».

Подруга усмехнулась. Идею она определенно уловила. Посмотрим, что будет с исполнением.

Мы спустились с колокольни. Галия немного успокоилась, но домой идти не спешила. С пониманием отнёсся к её состоянию и предложил сходить навестить Анжелу. Хорошие подруги для женщины как психотерапевт. Пусть обсудят ситуацию, перемоют Оксане косточки, глядишь, Галию отпустит. Сейчас ей выдержки не хватит делать дома вид, что она ничего не знает о притворстве матери.

Вторую попытку проводить подругу предпринял уже в девятом часу вечера. Открыл нам Марат. Оксана из гостиной слабым обеспокоенным голосом позвала Галию:

– Доченька! Ты где так задержалась?

Галия пошла к матери, но замешкалась в двери, тяжело вздохнув.

Мы с Маратом переглянулись и не сговариваясь, одновре-

менно ухмыльнулись.

– Она знает, – прошептал я, кивая в сторону Галии.

Марат округлил в притворном ужасе глаза и пригласил меня жестом на кухню.

Глава 2

10 мая 1971 г. В квартире Галии.

Вежливо отказался от предложения Марата, сославшись на то, что мне ещё к суду над империализмом к завтрашнему дню подготовиться надо. Мне реально было жаль – отношения с братом Галии наладились, надо их укреплять.

Дома застал у нас в гостях Клару Васильевну с мальчишками. Пацаны с азартом гоняли по всему дому моего Тузика, а бабушки в прекрасном настроении пили чай, сидя за столом на кухне.

– Хорошие новости, Паш, – радостно сообщила мне Клара Васильевна, не успел я порог переступить. – Эмму в нейрохирургии в Брянске обследовали сегодня, мозговая активность есть. Есть надежда, Паш!

Она встала из-за стола и радостно шагнула мне навстречу.

– Это здорово! – обняв её, я почувствовав, как её трясёт от возбуждения. – Это очень здорово!

Надо Славку завтра обрадовать. Между школой и работой забегу.

Вот что значит надежда! Мозговая активность у Эммы есть. Этого было достаточно, чтобы я засыпал с улыбкой, как ребёнок.

Утром на зарядке сообщил Тимуру с Мишкой, что есть надежда, что Эмма выкарабкается. Их громогласное «ура!»

разнеслось по всей округе.

– Тихо вы! – одёрнул я парней. – Весь город разбудите. У меня мама тут с ребёнком маленьким в ста метрах живет!

Кстати, а что я торможу вообще? Собирался же малую за-
калять! Они, наверняка, уже встают в семь утра, на рабо-
ту и в ясли собираются... Мне малая всего на десять минут
нужна... А не зайти ли мне к ним прямо сегодня? – решил
я и переключился на парней.

– В свете того, что я вам сказал, нам надо Славку настра-
ивать на экзамены. Переломы через месяц срastутся. А ес-
ли экзамены со всеми не сдаст, зависнет до осени и в ар-
мию пойдёт. Ему надо помогать заниматься. Придётся уст-
но повторять, писать он не может, книги держать перед со-
бой и листать их тоже. Предлагаю распределить дежурства
между нами и ходить к нему каждый день. Поговорю се-
годня в больнице насчёт Славкиных перспектив, когда ему
гипс планируют снимать. Сможет он, интересно, писать сра-
зу? И надо это с расписанием экзаменов согласовать... Ес-
ли гипс недели на три наложили, может, Славка ещё в эк-
замены вместе со всеми впишется. В любом случае, устные эк-
замены ему надо сдавать со всеми. И вряд ли он полностью
к ним готов.

Тимур с Мишкой поддержали меня и устроили спор,
кто первый пойдёт к Славке.

– Ты совмещай посещение друга со своими отработками
в больнице, – посоветовал я брату. – Тебе сколько ещё отра-

батывать осталось?

– Кто бы ещё мне это сказал?

– Ты что, сроки ни с кем не оговаривал? – рассмеялся я. – Ну ты даёшь! А в школе?

– Сказано было: до конца года, – проворчал Тимур.

– Какого? Семьдесят пятого? – подколот его Мишка.

Брат с досадой отмахнулся.

– Думаю, как каникулы летние начнутся, так и конец года наступит, – решил я. – Но тебе обязательно надо подойти к директору школы и проговорить всё это. Расставить точки над «и».

– Зачем? – не понял меня брат.

– Надо закрыть этот вопрос, – настоятельно сказал я. – Чтобы он лично подтвердил, что ты школе больше ничего не должен.

– Угу... – с сомнением промычал Тимур.

– Не угу. И в больнице точно также сделай. Ты ведь мысли читать не умеешь. Не знаешь, что директор с главврачом на твой счет думают. А знать это тебе очень важно. Поэтому не откладывай.

После зарядки зашёл-таки к Ахмаду. Мама очень удивилась, увидев меня на пороге.

– Начинаем с Аришкой закаливание, – бодро заявил я.

– Что ты напридумывал! – мама замахала руками. – Она только выздоровела более-менее. В садик ходит. Сейчас застудишь мне ребенка, опять с ней дома сидеть.

– Мама, мы ведь обо всем уже договорились. Не начинай опять, – состроил я сердитое лицо. – Аришка болеет слишком часто. Ваши закутывания и попытки уберечь ее от любого сквозняка только усугубляют ситуацию. Нельзя это так оставлять, надо принимать меры.

– Пашка прав, закалка только пользу принесет, – поддержал меня Ахмад. – Тем более май на дворе, тепло уже. Он же не в снег ее кидать собрался! Чего бояться-то?

– Вам, конечно, нечего. Не вы же лечить будете, – пробурчала мама, но под нашим дружным напором уступила.

– Приготовь, пожалуйста, большое полотенце, – попросил я маму, – надо будет малую укутать сразу после обливаний.

Вышел во двор, осмотрелся. Заметил летний душ. Открыл дверцу – отлично, как я и думал, на полу душа стояла подставка, сбита из деревянных досочек. Попросив разрешения у Ахмада, приволок ее поближе к дому. Зашел в дом, налил тазик теплой воды для малышки и ведро холодной для себя.

Мама, недовольно хмурясь, вынесла раздетого ребенка из дома и передала мне. Попробовав воду в тазике и поняв, что она теплая, немного успокоилась.

– Я думала, ты ее холодной водой обливать собираешься, – сказала она.

– Сразу нельзя, – я покачал головой, – закалять постепенно надо. Сначала приучу ее к обливаниям, потом потихоньку начну каждый раз все более холодную воду делать.

Сделав с Аришкой несколько простых упражнений, стал на деревянную подставку и предложил ей побрызгать на меня водой. Малая зачерпывала ладошкой и брызгала, я взвизгивал, всем было весело. Потом взял все ведро и опрокинул на себя, весело смеясь и показывая Аришке, как мне это нравится. Одежду намочил, конечно, но ничего, пока до дома добегу, согреюсь. Потом поставил малую на подставку и тоже побрызгал на нее теплой водой из тазика, а потом аккуратно облил ее всю. Судя по визгам и хохоту, процедуру ребенок полностью одобрил. Мама быстро закутала Аришку в полотенце и утащила в дом пить горячий чай, а я, попрощавшись со всеми до завтра, побежал домой сушиться. Хотел было занести обратно в летний душ деревянную подставку, но Ахмад предложил ее так во дворе и оставить, раз каждый день обливаться собираемся. Прекрасно, с его поддержкой есть надежда, что мама и после моего отъезда в Москву упражнения с ребенком не забросит.

Возвращаясь домой, наткнулся на Ивана. Какая удача!

– Вань! Привет! – кинулся я ему навстречу и протянул руку. – Какие новости? Что с люками, нашли при обыске?

– Ещё как нашли, – улыбаясь и осматривая мою мокрую насквозь спортивную одежду, пожал он мне руку. – Восемьдесят шесть штук!

– Да ладно... – удивился я. – Где он их там закопал столько?

– А они и не были все закопаны. Часть про запас сложена

была.

– Да что это за бред? – я потрясённо смотрел на Ивана.

– Признался, что нравилось воровать... Говорит, болезнь у него такая.

– И что вы решили с ним делать? – с сомнением глядя на товарища, спросил я. – Вы ему объясните, что ему лучше больным не прикидываться! Ему сесть безопаснее! Мстить за разбившихся детей ему будут по морде, а не по справке. Мне пока от своих друзей удаётся скрывать личность вора. Но это до поры, до времени. Слухи дойдут рано или поздно, у нас город маленький. И тогда... Не завидую я этому клептоману! Ох, не завидую.

Иван серьёзно посмотрел на меня и кивнул головой. На том и разошлись.

В школе после уроков у нас состоялось общешкольное комсомольское собрание в актовом зале. Счастливый комс-орг объявил моё выступление «Юность обличает империализм» и пригласил за трибуну. Ох, как ему хотелось увидеть, как я сейчас все завалю!

– Дорогие друзья, комсомольцы и комсомолки! – начал я с места в карьер, – нам в СССР даже сложно представить, какую важную роль в западных странах играют пузатые старики с толстыми сигарами, пьющие в закрытых элитных клубах дорогое виски. Но именно они определяют политику своих стран, сколько бы официально, по радио и телевидению на Западе не говорилось про честные демократические

выборы. При малейшей попытке избранного американского президента им не подчиниться подсылается киллер, и Джон Кеннеди вскоре после ранений умирает в больнице. А следующий президент США уже знает свое место.

Этим старикам плевать на жизни своих сограждан. При необходимости, ради денег и власти, они готовы с удовольствием рисковать их жизнями. Их волнует только прибыль, и ради нее они не задумываясь отправляют молодежь на убой. Так было с Кореей, так прямо сейчас происходит во Вьетнаме. Десятки тысяч гробов с телами американских военнослужащих пришли домой, а американское правительство даже не может внятно объяснить своим гражданам, ради чего они умерли, и другие американские солдаты продолжают умирать.

Этих алчных стариков не волнует также мораль – им плевать на нее. Поэтому сейчас в США расцвет торговли наркотиками. Миллионы американцев уже стали героиновыми наркоманами, миллионы станут.

Не лучше ситуация в других западных странах. У них тоже есть такие же клубы, набитые алчными стариками, заботящимися только о том, как сделать побольше денег. Никто не заботится о борьбе с безработицей, о детских садах, о доступном высшем образовании. Закон для бедных прост – нет денег, все социальные блага не для тебя.

Империалисты уверяют собственных граждан, что они люди первого сорта, а все остальные что-то им должны.

Граждане независимых государств, бывших раньше их колониями, с их точки зрения и дальше должны подчиняться им, как будто колониализм не тает как снег под дождем из-за усилий прогрессивной мировой общественности. Империалисты считают, что африканцы, азиаты и латиносы и дальше должны быть под их пятой. Колониализм они пытаются заменить неоколониализмом – формально освободить бывшую колонию, но сделать все, чтобы на деле ничего не изменилось. Новые власти подкупают, заставляя плясать их под их дудку, а крупные западные концерны продолжают грабить местное население.

На этом фоне СССР выглядит очень хорошо. У нас мощные социальные гарантии, бесплатная медицина, бесплатное образование. Западная молодежь, если у родителей нет денег, часто не может позволить себе высшее образование или вынуждена влезать в кредиты, чтобы учиться. Едва выплатив кредит за обучение, молодые люди вынуждены брать следующий кредит – на свое жилье. И на следующие тридцать лет они попадают в долговое рабство – боятся, что их уволят, и тогда банк отнимет дом. Вынуждены поддакивать своему начальнику в надежде на премию. Вынуждены идти воевать с людьми на другом краю света, которые ничего им плохого не сделали, и умирать за интересы захвативших всю власть империалистов.

Советская молодёжь осуждает империализм! Наши передовые советские стандарты должны быть доступны по все-

му миру. Молодые люди должны бесплатно учиться, получая стипендию, и получать жилье бесплатно от государства, не влезая в долговое рабство. Бывшие колонии должны обрести реальную независимость от колонизаторов!

В свой доклад я, конечно, вклеил все подряд, но и так школьникам понравилось. Едва я замолк, как тут же потянулись вверх руки – советские комсомольцы вслед за мной спешили осудить алчных стариков, захвативших власть в капстранах, и порадоваться за советскую молодежь. Как и было мной задумано. А школьного комсорга корежило во время моего выступления как вампира от святой воды, но придраться к чему-либо он так и не решился. Так что я благополучно отстрелялся по общественной работе в школе. И с некоторой тоской подумал, когда все закончилось, что за такое же выступление по линии общества «Знание» мне бы перепала десятка и щедрые дары от руководства той организации, в которой бы выступал. Когда уже поступит новое предложение от них поработать где-то?

К Славке в больницу не пошёл, и так из-за собрания на работу опоздал. Попросил парней обязательно сходить, обрадовать его новостями из Брянска про Эмму. Ну и заодно познакомиться с ним, пора уже втягиваться в обычную жизнь. Подумаешь, гипс...

На работе, отметившись символически в бухгалтерии, поспешил к Галие, узнать, как у неё с матерью вчера пообщаться получилось? Мне интересно было, как там все сложилось.

Обе энергичные, и очень эмоциональные, одно слово, мать и дочь. Мало ли снова зацепились?

– Еле сдержалась вчера, чтобы не высказать ей всё! – возмущённо жаловалась мне подруга. – И представляешь, Марат всё знал и не сказал!

– Может, он опасался, что ты не поверишь? – сделал я невинное лицо.

– Он так и сказал.

Значит, Галия и Марат вчера объяснились. Осталось только Загита в курс дела ввести, чтобы не переживал сильно. Он к Оксане очень сильно привязан, искренне беспокоится за неё.

– И что вы будете теперь делать? Отцу скажете?

– Марат считает, что не наше дело в отношения родителей лезть, – ответила Галия. – А я бы сказала!

– В тебе обида сейчас говорит, – попробовал успокоить её я. – Сказать надо, чтобы он сам не волновался. Всё-таки у него работа такая опасная, тут голова холодная нужна. Но действовать надо деликатно, чтобы их не рассорить. Ты же не хочешь, чтобы твои родители разбежались на старости лет?

Галия ошарашенно уставилась на меня. Похоже, такая мысль даже в голову ей не приходила.

Провожая Галию домой, снова посоветовал действовать осторожнее. Сказал, что совсем необязательно ставить близкого человека в неудобное положение, надо всегда оставлять

ему шанс выйти из щекотливой ситуации, не теряя собственного достоинства. Галия на мой мудрый совет кивнула, но тему развивать не стала.

Вернувшись домой, застал «совет в Филях». Бабушка, Герман и Клара Васильевна очень возбуждённо что-то решали.

– Что у нас опять плохого? – настороженно спросил я.

– Ленка вернулась! – воскликнула с яростью в голосе бабушка.

– Какая Ленка? И куда вернулась? – не сразу понял, о ком речь, я.

– Какая-какая? – передразнила меня Клара Васильевна. – Дочь моя непутёвая!

– О как! – только и смог сказать я от удивления. – Чего хочешь?

– По детям соскучилась она... – с ехидством сказал бабушка.

– Опеку она над Эммой требует, – отрезал Герман. – И над мальчишками. Маленькому-то инвалидность оформили, пока её не было.

– Зачем ей это всё? – с недоумением спросил я. – Пенсию на мелкого хочет получать? Плюс на Эмму по потере кормильца... Это копейки, на них с тремя детьми не проживёшь. Не на дом ли ваш с Эммой она нацелилась?

Все с удивлением уставились на меня.

– Ну сами посудите, – развёл я руками. – Если Эмму при-

знают на какое-то время недееспособной, мать первый кандидат на опекуна. А с такими правами можно и дом продать.

– Половина дома моя, – возразил Герман.

– Половина дома – тоже хороший куш, – возразил я.

– А детей куда? – растерянно спросил он. – В детский дом?

Повисло напряжённое молчание. Судя по лицам, никто особенно не удивился такой возможности. Мать из Ленки весьма специфическая...

– Эх, надо было её родительских прав лишать!.. – с сожалением воскликнула бабушка и глянула как-то странно на Клару Васильевну. Та смущённо отвернулась в сторону. Не стала в суд подавать на дочь? Пожалела? Ну-ну...

– А давайте ей попробуем подыграть, – подумав немного и взвесив возможные риски, предложил я. – Герман, соглашайся на все её условия. Хочет с тебя опеку над своими детьми снять – пожалуйста, без проблем! Поблагодари ее искренне, порадуйся, что она вернулась. Скажи – такой геморрой эти дети. Столько денег на них уходит! И, кстати, за те месяцы, что ее не было, алименты потребуй. Скажи, что расходов много ведь было. Назови ей сумму. Но все очень доброжелательно, без вызова. Отсрочку предложи, если сейчас денег нет. Скажешь, «все понимаю, устроишься на работу, постепенно отдашь, свои ведь люди...».

Все озадаченно замолчали, обдумывая сказанное мной. Но что хорошо, пока никто не возмущался.

– И, кстати, скажи ей: лечение Эммы такое дорогое! – до-

бавил я. – Раз уж ты восстанавливаешь права на детей, давай, и эти расходы пополам разделим. А то, скажи, у меня свои дети есть.

– Как так можно? – возмутился Герман. – Это ж моя родная племянница!

– Надо, Герман. Для её же блага. Прикинься жадной сволочью!

– Что это даст?

– Увидишь. Это оптимальный вариант. Я уверен, что Елена быстро опять сольётся в туман, едва все это услышит. Она сюда явно не свой материнский долг выполнять приехала. Тем более, что ты теряешь? Кому она расскажет, что ты жадный стал? Своему поделщику, очередному Кабану, который ее за деньгами послал?

Герман озадаченно почесал затылок. Но возражать перестал. Так-то он мужик умный, должен понять мою задумку и все ее преимущества. Ладно, пусть думает. Да и, думаю, бабушки ему смогут доходчиво объяснить, зачем все это нужно. Они-то явно просекли тему. Вон как у Клары Васильевны глаза блестят!

Только сел за учебники, как в сенях раздался шум и в дверь просунулась голова Мишки.

– Привет. Выйди, – попросил он.

– Что случилось? – поспешил я выйти во двор.

– Славка не хочет ничего. Ни учиться, ни экзамены сдавать, – взволновано ответил друг.

– А ты ему сказал, что Эмма не безнадёжна? Что у неё мозговую активность наблюдают?

– Конечно, сказал.

И чего он? В депрессию что ли провалился? Только этого не хватало. Значит, завтра снова нужно к нему зайти.

Что ж такое! Не понос, так золотуха. Я был уверен, что мой разговор со Славкой после того, как мы его вернули в больницу, сработал. М-да, видимо, что-то опять пошло-поехало...

Глава 3

11 мая 1971 г. Святославль.

На следующее утро после зарядки опять забежал к Алироевым. Во дворе уже стоял полный таз тёплой воды. Вынесли малую на улицу. Мама бросила ей под ноги половичок, и мы приступили к зарядке. Тянули ручки вверх, махали как птички, прыгали как зайчики. Малая ещё не очень уверенно на ногах стоит, не то, что прыгает. Но старалась очень. Поставил её саму на деревянную подставку от душа, перед ней поставил таз с водой и дал ей набрызгаться вволю. Сам обливаться в этот раз не стал, только окатил Аришку. Мама стояла тут же с полотенцем, пританцовывая от нетерпения.

– Паша, хватит уже, – повторяла она, – ветер холодный.

– Всё! Мы готовы! Да, крошка? – положил я ребёнка маме в руки. Она тут же укутала её полотенцем. – Смотри, как ей нравится.

После школы сразу побежал в больницу. Славку застал отвернувшимся к стене. Думал спит, посмотрел, а он с открытыми глазами лежит, в стену пялится.

– Привет, – тронул я его за плечо.

Друг отдёргнулся так, как будто я током бьюсь.

– Слав, так не годится. Давай-ка выйдем, – я силой поднял Славку с койки и потащил в коридор. Мы вышли в больнич-

ный холл.

– Что ты тут устраиваешь? – тихо зашипел я на него, опасаясь, что кто-то ещё услышит. – Будешь так себя вести, точно в дурку попадёшь. Ты думаешь, доктор Юрий Васильевич не догадался, зачем ты сбежал? Всё он прекрасно понял. Просто согласился тебе шанс дать. Кончай, давай, сопли распускать. Возьми себя в руки и готовься к экзаменам!

– Каким образом? – враждебно взглянув на меня, спросил друг и показал руки в гипсе.

– Мы поможем. Для чего ещё нужны друзья? Будем приходить к тебе по очереди каждый день. Мишка уже был, а ты его послал лесом. Нехорошо! Слав, было бы желание, а справиться с любыми трудностями можно. Тем более, у тебя есть любимая девушка, которая тоже любит тебя и которой нужна помощь. Тебе есть ради чего бороться!

Славка посмотрел на меня так, как будто я у него кошелёк вытащить незаметно пытаюсь, и отвернулся к окну, опустив глаза в подоконник. Да что ж такое! Устал, понятное дело. Травмы не самые простые получил. Да и себя винит по-прежнему.

– Слав, – решил я рассказать все другу, – есть информация. Только это строго между нами.

Славка безучастно посмотрел на меня и кивнул.

– Удалось выяснить, почему вы с Эммой в аварию попали и найти виновного. Мужик один люки воровал годами, у себя на участке их как стройматериал использовал. Он люк

на нашей улице снял, а вы из-за лужи вокруг него яму не заметили. Твоей вины нет, Славка. В сумерках заметить ту яму почти нереально было. Я ходил смотрел.

Славка, задумавшись, уставился в окно. Внешне никак не было видно, чтобы полученная только что информация хоть как-то повлияла на его состояние. Поэтому я продолжил давить. Его надо было встряхнуть, а то так до настоящей депрессии недалеко, а это чревато.

– Друг, выбраться из ситуации можешь только ты сам. Никто тебя за уши из нее не вытянет. Либо возьмешь себя в руки, найдешь силы бороться и начнешь выбираться потихоньку. А мы поможем всем, что в наших силах. Либо продолжишь в стенку глядеть, вот только через пару деньков такого времяпровождения тебя на лекарства посадят, на учет психиатрический возьмут и с такой записью в карте тебе потом не видать по жизни ни нормальной работы, ни много ещё чего. Ты меня услышал?

Славка не реагировал.

– Слав, заканчивай давай себя жалеть. Хочется-не хочется, а занимайся, к экзаменам готовься. Понял? Чем ты Эмме поможешь, если сам закопаешь себя сейчас? Елена, мать её, кстати, вернулась, нагулялась... – Славка аж дёрнулся и с удивлением посмотрел на меня. О, хоть на что-то отреагировал. Продолжаем... – Да-да. Хочет Германа опеки лишить. Вскоре следом за ней и её новый Кабан в дом подтянется. Эмму выпишут, и что её дома будет ждать?.. Вместо реабии-

литации и занятий с логопедом? Кто ее защитит, кто ее поддержит?

На лице Славки впервые за весь разговор появилось осмысленное выражение. Он заметно ожил. Видно было, как хочется ему из больницы выйти и как злится на свою нынешнюю беспомощность. Отлично. Прекрасный стимул, чтобы поправляться.

– Ладно, твое дело сейчас за ум братья и выздоравливать. А об Эмме не волнуйся раньше времени. Ей помощь нужна будет очень, когда очнется и из больницы выпишут. А сейчас пока за ней сестра моя присмотрит.

– Сестра? – Славка изумленно посмотрел на меня. – Она же в Перми вроде.

– Она в Брянскую больницу в интернатуру переводится. Уже скоро совсем. Так что у нас с тобой теперь там свой человек возле Эммы будет, – подмигнул я другу.

Славка впервые за весь разговор улыбнулся. Пожелал ему скорее выздоравливать и заставил пообещать, что он будет готовиться к экзаменам.

– Всё, Слав, мне на работу надо. И так опоздал уже. Побежал. Дурака не валяй, выздоравливай. Ты нам нужен!

Славка кивнул, и я с чувством исполненного долга вернул друга в палату и понёсся на работу.

Отсидев в бухгалтерии с час и разобравшись со своими прямыми обязанностями, пошёл в комитет комсомола. По дороге через открытую дверь кабинета заметил взбешен-

ного, кипящего негодованием Ахмада. Он ходил по кабинету, нервно меряя его шагами. Что опять случилось?

– Привет, – зашёл я в отдел и вопросительно уставился на него.

– Привет, – протянул он мне руку. – Мне выговор влепили с занесением в личное дело! Представляешь?! Из министерства указание пришло.

– Как так? За что?

– За эти кражи металла!

– Вот те раз. Благодаря тебе же всё и обнаружилось... А Шанцев что? Не заступился?

– Ему тоже выговор влепили, – с досадой махнул рукой Ахмад.

– Се ля ви, – развёл руками я. – Но, не расстраивайся. Если разобраться, то ваше с Шанцевым участие в этом деле оценено министерством положительно. Им же надо было как-то отреагировать на случившееся? Не поощрять же вас за то, что хищения на заводе допущены. Но не уволили, не понизили, даже тринадцатой зарплаты не лишили. Так что, всё нормально. Министерские красиво выкрутились: и волки сыты, и овцы целы.

Ахмад хмыкнул, выслушав меня, и сел за свой стол, став заметно спокойнее. Эмоции схлынули, и возмущение несправедливым решением начальства начало уступать место обычному прагматизму и расчетливости.

– И в любом случае не забывай, что крепостное право

отменили сто с лишним лет назад, – усмехнулся я, – здесь не нравится, можешь всегда на другое предприятие пойти работать, с чистого листа. Я в Москву поеду учиться, могу там поспрашивать.

Теперь уже Ахмад усмехнулся – ни слова не сказал, но я понял, о чем он подумал. Мол, и кто с тобой со студентом на большом московском заводе разговаривать будет о серьезных вакансиях? Только из вежливости вслух это не сказал, не захотел меня обидеть.

– Ты не забывай, я рассчитываю и в Москве с обществом «Знание» продолжить работать, – напомнил я ему, – а лектора от «Знания» перед лекцией принимает лично минимум замдиректора, да еще и по кадрам. Он же отвечает за идеологию и просвещение. А может и сам директор принять.

– Точно, нам же бабушка твоих кур из колхоза притаскивала... – вспомнил Ахмад и сразу настроился на серьезный лад.

– Так что мне без проблем, что спросить про работу, что порекомендовать человека на вакансию, – сказал я.

Поговорив с ним еще несколько минут, пошел по своим делам.

В комитете комсомола Галия была одна. Воспользовался ситуацией и завёл разговор про её учёбу. Давно хотел детали обсудить, но всё более важные дела находились.

– Дорогая. Надо подумать, куда тебя переводить учиться в Москву. Ты же второй курс сейчас заканчиваешь? – уточ-

нил я. Подруга кивнула. – А институт какой?

– БИТМ – Брянский институт транспортного машиностроения.

– Ох, ничего себе! Как ты туда попала?

– Сама выбрала. Чтоб заочное отделение было, и чтобы можно было работать и жить с родителями, а в Брянск только на сессии ездить.

– И на кого ты там учишься? – удосужился, наконец, выяснить я.

– Факультет экономики и управления, кафедра философии, истории и социологии, – гордо произнесла Галия.

Только жены-философа мне и не хватало!

– И кем ты будешь? – спросил я.

– Социологом.

Ну, это ещё куда ни шло. Финансирование в Союзе на исследования было отличное. Если правильно Галию пристроить, и если себя проявит, то прекрасные возможности будут и для профессионального роста, и для карьеры. Надо подумать, куда её в Москве пристроить. Может, тоже пусть в МГУ идёт? А что? Пусть Сатчан за нас обоих хлопочет. Всё-таки, Галия его помощник, а не посторонний человек. Закину удочку при удобном случае.

После работы меня ждал командирский «козлик» из воинской части, где я с неделю назад лекцию читал. Если честно, опасался, что про меня и мою просьбу забудут. Не очень надеялся военных сегодня увидеть.

– Вы за мной? – спросил я водилу, не скрывая удивления и улыбки.

Он кивнул головой, и я шустро запрыгнул в машину.

По дороге в часть всё думал, как хорошо, что Галия пораньше домой отпросилась и мне сегодня провожать её не надо. Какая-то она была загадочная, когда об этом сообщила. Только собрался её расспросить, она чмокнула меня и умчалась по делам.

Доехали до части и меня отвезли прямо на полигон, где меня ждал уже знакомый инструктор Лыткин. В этот раз он отнёсся ко мне с большим вниманием. И честно признался, что подумал, что я больше не приеду, расколотив плечо в кашу в прошлый раз. Хе-хе! Не на того напали, товарищ инструктор. Я вам еще ой как надоем своим неумным рвением и тягой к стрельбе по мишеням.

Прозанимались с ним часа полтора. Он начал учить меня некоторым профессиональным приёмам. Опять синяк на всё плечо от снайперки и... море восторга.

Благодарил Лыткина от всей души, он покровительственно обнял меня за плечи и сказал, что сегодня доволен своим учеником. Когда «козлик» вернул меня к заводу, уже начало вечереть.

Дома обнаружил на столе телеграмму от сестры. Она приезжает в четверг в Брянск. Так... Поезд, вагон... Контейнер в Святославль...

Замечательная новость! Почему же у меня вздох досады

вырвался? Наверное, устал, напряжение последних недель сказывается. И поезд какой неудобный, в четыре часа дня мне надо уже быть на вокзале в Брянске. Придётся и в школе, и на работе отпрашиваться.

Вернулась бабуля откуда-то и, кивнув мне головой вместо приветствия, с довольным видом положила перед моим носом связку ключей и тетрадный листок, сложенный вчетверо. Развернул – брянский адрес. Договорилась насчёт дома с Кларой Васильевной, стало быть.

– У неё там холодильника нет, – сказала бабушка. – Но она подсказала, что в металлическом ведре можно продукты в колодец опускать, конечно, так, чтоб вода в ведро не заливалась. Говорит, масло сливочное в любую жару в колодце не плавёт.

– Разберёмся.

– Значит, что ещё она говорила?.. Дрова берите те, что в сарае, они уже сухие, а те, что под свесом крыши лежат, ещё подсохнуть должны.

– Зачем нам дрова? Тепло уже.

– Дом просушить возможно потребуется. Сколько запертый, не топлённый простоял.

И то правда... Там небось всё отсыревшее теперь.

– Ладно, не волнуйся, – ответил бабушке. – Разберёмся. Лучше записку мне на четверг напиши в школу. На работе завтра отпрошусь, – попросил я, крутя в руках телеграмму. – А что значит – «контейнер в Святославль».

– Так вещи все Инна отправила в Святославль. Не бросать же их в Перми. У них холодильник новый, и вообще много всего накопилось.

– Не лучше было их Петру отправить в Ижевск? – спросил озадаченно я.

– Ну, наверное, решила, что ей нужнее будет... – пожала плечами бабушка.

– Ну так отправляла бы сразу в Брянск. Зачем сюда-то? Мы, может, дом продавать будем...

– Она откуда это знает? – возразила мне бабушка. – И про дом Клары она не знает, небось думает, что ещё жильё искать придётся.

Ладно, пусть делают, что хотят. Всё равно ещё неясно, на сколько Пётр в Ижевске завис. Может, пока Инна доучивается, уже и Пётра опять куда-то перебросят.

Ближе часам к восьми к нам вломились возбуждённые Герман и Клара Васильевна.

– Нет! Это чёрт знает что! – возмущалась она.

– Не обижайтесь, но по ней тюрьма плачет, – заявил в сердцах Герман.

– Что случилось-то? – спросила бабуля.

– Да Ленка детей в ясли не повела сегодня, – возмущённо начала объяснять Клара Васильевна. – С таким трудом места выбили... А она заявляет: что, мне разорваться что ли? Не успевает она, видите ли, утром в два разных сада.

– Я с ней говорить начал сейчас, – заговорил взвинченный

Герман, – так она меня давай из дома гнать: ты кто такой? Я её детей в детский дом отправить не дал! А теперь – кто я такой?!

– Я Германа поддержала, – перебила его Клара Васильевна, – ладно, двоих не успела, хоть одного-то можно было отвести? Так она и меня гнать стала! Возвращайтесь в Брянск, нам с дедом говорит.

– Не вздумайте её послушаться, – подключился я к разговору, жестом приглашая их пройти. – Младшего обязательно в ясли водить надо. С ним специалисты там занимаются, он же совсем другой стал, как в ясли пошёл.

– Так, а я о чём! – воскликнула Клара Васильевна.

Пододвинул ей стул, предлагая сесть.

– Я понимаю, что вам очень жаль родную дочь. Но она взрослый человек, а её дети, ваши внуки, сами за себя постоять пока не могут. Мы о них, в первую очередь, должны думать. А о себе любимой Елена и без нас прекрасно позаботится. Вы сами видите: надо довести дело до конца и лишить её родительских прав.

Клара Васильевна сникла и молча кивнула головой.

– Не хотелось мне до крайностей доводить, – тихо проговорила она. – Она же мне этого не простит... Скажет, я её предала.

– А она вас и детей не предала, когда сбежала? – возразил я.

– Худой мир лучше крепкой ссоры, – грустно посмотрела

на меня Клара Васильевна. – А если я, как ты говоришь, доведу сейчас дело до конца, я её больше никогда не увижу.

– Это не факт... – начал было спорить я, но бабушка меня остановила жестом. Придвинула свой стул ближе к подруге. Сейчас начнётся сеанс психотерапии, как я понял.

Не стали с Германом мешать, вышли на улицу.

– Слышал, милиция нашла того, кто люки с колодцев снимал? – закуривая, спросил меня Герман. – В Брянск эту сволочь сразу отправили...

– Зачем? – прикинулся я ветошью.

– Чтобы я до него не добрался, – зло сплюнул Герман. – Ничего. Я все равно до него доберусь...

Только этого не хватало! Вот, не ожидал. Взрослый вроде мужик, а туда же.

– Герман, ты этим никому не поможешь – ни Эмме, ни своей жене и детям, – попытался образумить его я. – Пусть его по закону судят. Не вмешивайся в это. Твоя семья и так пострадала.

– По закону его на экспертизу психическую отправили. Справку ему напишут, что больной, полечат и отпустят!

– Откуда такие сведения? – сразу насторожился я.

– Откуда надо, – недовольно отрезал Герман и молча протянул мне руку.

Попрощались, и он ушёл. А у меня мелькнула мысль, что даже хорошо, с одной стороны, что он на ворулугу этого kleптоманистого переключился. На Славку злиться пере-

стал. Может со временем наладятся снова у них взаимоотношения. Главное, чтобы реально не начал что-то против вора сам предпринимать. А то ведь нарвется мужик.

А что касается ворюги, то такой расклад меня совсем не устраивает. Надо что-то делать. Какой он, блин, больной? Вон, хозяйство какое добротное, по уму всё сделано. Планировка участка, конечно, странная: всё параллельно-перпендикулярно... Отклонения у него, конечно, есть. Но не до такой степени, чтобы не отвечать за свои поступки. И хозяйство благоустроенное, значит, работает где-то, не все же он воровал, что-то и покупать пришлось. Небось, на хорошем счету на работе был.

Нет. Он не псих. Нельзя ему дать справкой прикрыться. Общественность надо подключать. И прессу. И надо настаивать на выездном показательном процессе. Иначе горячие головы Святославля свой суд над ним устроят.

Взял щенка и пошёл с ним на прогулку.

Тут же переключился на мать Эммы. Как же эта Елена напрягает уже. Не человек, а мина замедленного действия. И ведь рванет однажды, если не обезвредить. Хуже всего, что в таких ситуациях страдают обычно не такие вот «елены», а их близкие, которые, не желая никого обижать, терпят до последнего и не предпринимают решительных действий.

Ноги сами привели к дому Либкиных. Мальчишки без присмотра играли во дворе. Увидев моего Тузика, они выскочили на улицу и стали гонять его, в том числе

по проезжей части. Эх, в будущем за один такой инцидент можно было серьёзных проблем от опеки огрести. Отвыкла Елена за детьми-то смотреть.

Увидев Ивана Николаева у колонки, пошёл к нему, щенок побежал за мной, а дети за щенком, уходя всё дальше от своего дома.

– Привет! – поздоровался я с Иваном, протягивая руку. – Слушай, тут Елена вернулась. Прослышала откуда-то, что младшему её инвалидность дали, у Эммы тоже пенсия по потере отца... Хочет Германа опеки над своими детьми лишить.

Иван ошарашенно смотрел на меня.

– Вернулась, как ни в чём ни бывало? – недоверчиво спросил он. – Во даёт!

– Ну, вот так. Есть ещё у нас подозрение, что она захочет Эмму недееспособной объявить и получить доступ к праву на её половину дома, в котором они сейчас живут. Сам понимаешь, с какой целью.

Иван присвистнул удивлённо.

– Надо бы отвадить её, – продолжил я. – А то дети такими темпами быстро в детском доме окажутся. Клара Васильевна жалеет дочку, боится с ней окончательно рассориться, в такой ситуации лучше, чтобы кто-то со стороны инициативу проявил, так сказать.

– Я не против помочь, но как? Что предлагаешь?

– Сходил бы ты к ней, припугнул. Вот, например, сейчас

дети без присмотра по улице бегают. И в прошлый раз она свинтила, троих детей бросила одних на произвол судьбы. Есть же статья за оставление в опасности? Это как раз тот самый случай.

– Да. В конце концов!.. – воскликнул Иван. Оставил своё ведро у колонки. Схватил обоих мальчишек за руки и решительно повёл их домой.

Глава 4

12 мая 1971 г. Школьный стадион.

Следующим утром на зарядке Марат устроил нам настоящую тренировку. Мишка притащил младшего брата и нас, учеников, было уже четверо.

Мальчонка с благоговением смотрел на десантника, ловил каждое его слово, старался, аж из штанов выпрыгивал. Марату импонировало такое отношение, он и внимания мальчишке много уделял, и терпение у него откуда-то появилось. Короче, надо срочно рекомендовать его Сатчану. Пусть выбивает ему зарплату и помещение для секции самбо.

– Как ты хорошо с детьми ладишь, – заметил я после тренировки.

– А что с ними ладить? – усмехнулся Марат. – Дети... Они же бесхитростные. Ты к ним хорошо, и они к тебе хорошо.

– Молодец. У тебя здорово получается. Не передумал секцию вести?

– Да нет. Я готов.

– Отлично. Тогда начинаю заниматься организационными моментами.

– Давай.

Мы распрощались с ним как старые, добрые друзья.

У Алироевых меня ждал сюрприз: Ахмад делал с Ариш-

кой зарядку по моему примеру, но всё больше на четвереньках. Он научил её показывать добрую и злую кошечку. Это такое упражнение для спины. Не смог сдержать улыбки, глядя на эту картину.

Таз с водой и мама с полотенцем стояли рядом наготове.

– Завтра еду Инну встречать. Клара Васильевна ключи от своего дома дала, – поставил в известность маму и на автомате наклонился, попробовал воду в тазу. Она была тёплая. Слишком.

– Ты воду наливала? – улыбаясь, спросил я.

– Да, – мама с вызовом посмотрела на меня.

– Заметно...

– А что? – спросил Ахмад.

– Да она почти горячая.

– Поля! – укоризненно воскликнул Ахмад. – Мы ребёнка закаляем или моем!?

Не стал вмешиваться. Милые бранятся – только тешатся. Ахмад сам разбавил воду в тазу холодной и вылил её на визжащую от восторга Аришку. Мама с полотенцем хотела подхватить её, но малышка с восторженными визгами рванула от неё в траву босыми ногами прямо по холодной росе. Маму чуть кондратий не хватил, пока она её поймала.

С озабоченным видом она утащила ребёнка домой. Привыкать ей, похоже, долго придется к новому режиму воспитания ребенка. Но главное, что Ахмад идею всецело поддержал. Никуда мама не денется теперь. И за здоровье Аришки

буду более-менее спокоен.

Попрощался с Ахмадом и пошёл к себе. Меня самого ещё водные процедуры ждут.

В школе отпросился на четверг у Кириешки, передав записку от бабушки. На одной из перемен решали с парнями, кто пойдёт сегодня в больницу готовиться к экзаменам со Славкой.

– Давайте я схожу. Пусть попробует мне отказать... – предложил Тимур, выразительно похлопывая правым кулаком себя в левую ладонь.

Ну что тут скажешь? Убедительно. На том и порешили.

После уроков зашёл к директору, хотел обсудить варианты сдачи экзаменов одновременно со всеми для Славки на случай, если ему гипс не успеют снять. Пришлось немного подождать, пока он освободится. В целом, Игорь Иванович с пониманием отнёсся к моей обеспокоенности, похвалил за равнодушие к проблемам друга.

С устными экзаменами, на его взгляд, вообще, нет никакой проблемы: пусть сдаёт вместе со всеми. А вот с письменными – вопрос. Тут, на самом деле, есть даже несколько вариантов выхода из положения. Директор не раскрыл мне, что это за варианты. Сказал, что ему надо сначала проконсультироваться в РОНО.

– Как у Станислава, вообще, настрой? – спросил меня директор, когда я уже собрался уходить.

– Переживает очень за Эмму.

– А она как?

– Её в Брянск перевезли в областную больницу.

– Это я знаю.

– Мозговая активность есть, но в себя не приходит.

– Да... Покатались... – с досадой произнёс Игорь Иванович.

– А вы слышали, что авария произошла из-за того, что люк с колодца сняли? И Славка на мотоцикле в открытый колодец влетел, не заметив.

– Конечно, слышал.

– Милиция нашла того, кто люк украл.

– Слыхал...

– А то, что этот «товарищ» сейчас пытается kleптоманией прикрыться, слышали?

– Да какая это kleптомания?! – возмутился директор. – Kleптомания – это когда ненужные мелочи воруют. А тут люки тяжеленные! И, насколько я слышал, он их как стройматериалы использовал. Какая же это kleптомания?!

– Вот и я о том же. У него под сотню люков нашли, годами воровал. Дети разбились! А он теперь справкой прикрыться рассчитывает, – подливал я масла в огонь, надеясь, что у директора школы есть ресурс, который можно использовать против этого мнимого kleптомана. В конце концов, Игорь Иванович в РОНО консультироваться собирался по Славкиному вопросу, может, и про kleптомана ему есть где упомянуть. И вообще, чем больше народу будет в курсе, тем боль-

ше шансов, что похитителю люков не удастся соскочить с ответственности.

Поблагодарил его, попрощался и пошёл на работу.

Отметившись в бухгалтерии, отпросился сразу на завтра у Ирины Викторовны, пока помню. Разобрался с путёвками и пошёл к Сатчану с новой «комсомольской инициативой» – секция самбо для трудных подростков и всех прочих желающих.

Галия была занята чем-то очень важным. Чмокнула меня в щёку между делом и, кивнув на дверь в кабинет Сатчана, сказала:

– Он у себя.

Специально не стал говорить комсorghу, что речь идёт о брате Галии. Просто представил его как знакомого дембеля-десантника. Сатчан, ожидаемо, захотел сначала лично с ним познакомиться, может даже в деле на него посмотреть.

– Он нас на общественных началах тренирует по утрам на школьном стадионе у Первой школы. Приходи как-нибудь часам к семи! Всё своими глазами и увидишь, – предложил я.

Сатчан задумчиво уставился на меня. Наверняка никуда он не пойдёт. Не царское это дело.

– Посмотрим, – неопределённо ответил он и подкинул мне несколько газетных номеров.

Ну, как говорится, наше дело – предложить.

Ладно... Что тут у нас?..

Комсомольская правда, Брянский рабочий, Советская

культура. Передовица Комсомольской правды посвящена празднованию девятого мая... Опа! Сатчан на фото! Развернул другие газеты, пригляделся, и в других газетах про нас написано с восторженными отзывами. Посмотрел на Сатчана и поймал его хитрый довольный взгляд. Оказалось, всё это время он внимательно наблюдал за мной и моей реакцией.

– А! Видел бы ты себя сейчас! – радостно воскликнул комсорг, заметив, что я обратил, наконец, на него внимание. – Не ожидал? Скажи честно!

– Нет. Ну я, на самом деле, на это надеялся, – ответил я ему. – Дело-то действительно хорошее.

– Да! И в Москве очень понравилось! – подмигнул мне Сатчан и с довольным видом забрал у меня газеты и разложил их аккуратно перед собой.

Оставил его чахнуть над «своей прелестью» и вышел к Галие.

– Как дела, дорогая?

– Всё хорошо, – загадочно улыбаясь, она обняла меня за шею. – Мама выздоровела...

– Что?! – я отодвинул её от себя на вытянутые руки. – Как?

– Ей пришлось, – Галия рассмеялась в голос. – Папу после обеда на работу проводила, а он ключи свои дома забыл, вернулся и застал маму в ванной за стиркой постельного белья. Пришлось ей резко выздороветь.

Вспомнив, что Галия вчера отпросилась с работы и прощалась со мной с каким-то загадочным видом, подумал,

неспроста всё это.

– Это ты, что ли, всё подстроила? – догадался я.

– Ты как сказал, что папе нервничать нельзя, у него работа опасная, так я за него волноваться сильно стала. И правда ведь, ему в огонь прыгать, если что, людей спасать – а он мрачнее тучи из-за маминой «болезни» ходит. Марату говорю: надо что-то делать. Он предложил ключи у него из кармана вытащить, когда он на обед придёт, чтобы вышло, вроде как, он их сам у зеркала положил и забыл. Я во дворе дежурила. Как отец к дому вернулся за ключами, я Марату отмашку дала, он специально курить на лестницу вышел, дверь входную открытой оставил. Батя беспрепятственно домой и вошёл неожиданно для мамы...

– А дальше что?

– Марат не стал сразу возвращаться в квартиру, подождал, пока отец выйдет и на службу уйдёт.

– Разумно. Очень разумно, – похвалил я. – И вы типа не в курсе, что случилось. Просто, мама выздоровела и всё. Молодцы, красиво оформили. А что ж Марат даже не похвастался утром?

– Да ему перед мамой неудобно. Батя такой злой из квартиры выскочил!..

– Ну, это понятно.

После работы проводил Галию до дома, но подниматься к ним не стал. Пусть там всё устаканится сначала, все успокоятся, плохое забудется. Мне с Оксаной и так неприятно

встречаться, а тут ее только что на горячем поймали. С нее станется попытаться сдуру на мне сорваться, а Галия тогда что сделает? Правильно, снова вспылит, и потащу я ее чемоданы к Анжеле. Не, она, конечно, девушка приятная, и брат у нее забавный, но мне будет неудобно снова к ней Галию подселать.

– Завтра меня не будет на работе, – предупредил я подружку. – Сестру поеду в Брянск встречать.

Чмокнул её на прощанье.

– Тили-тили тесто!.. – услышали мы из подъезда. – Жених и невеста!..

Соседские ребяташки снова решили над нами подшутить.

– А ну брысь! – цыкнула на них Галия и пошла домой. Но что мне понравилось – голос у нее был при этом довольный. Это, конечно, еще не поход в загс, но что-то вроде неофициального общественного признания наших отношений уже налицо.

Эти шkodники бежали за мной до конца дома и кричали хором дразнилку на весь двор и окрестности.

– Да где вы видите невесту? – не выдержав, спросил я их.

Дети замолчали, лихорадочно соображая. Логический блок выдал им, что да, они крупно облажались. Воспользовавшись этой заминкой, спокойно ушёл от детворы.

Дома у нас в кухне застал Ивана в форме. Он оформлял милицкий протокол, опрашивал бабушку.

– Да что опять случилось? – воскликнул я.

– Елена снова скрылась, бросив детей, – доложила возмущённо бабушка.

– Опять слилась? Н-да, ну и мамаша!

– Не то слово! – поддержал меня Иван. – Теперь её точно родительских прав лишат.

Он многозначительно посмотрел на меня.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, включаясь в игру для бабушки – типа «ничего не знаю, как все это произошло, что у нас в доме милиционер, и непутевую мать по соседству лишат родительских прав, но благодарен за это судьбе!»

Иван оформил и мои «показания», дал расписаться в протоколе и ушёл.

Выгулял щенка и лёг спать пораньше. Завтра на девятичасовой дизель в Брянск надо успеть.

С утра решил, что успею и на утреннюю тренировку к Марату, и на дизель. Побежал на стадион. Каково же было моё удивление, когда я увидел там Сатчана в спортивном костюме и кроссовках. Молча поздоровался с ним за руку. Он сам уже познакомился с парнями, и мы все сразу начали разминку. Удивил Сатчан, надо сказать. Совсем не ожидал, что он не только придет, но и сам тренироваться будет.

Нас у Марата было уже пять учеников.

После получасовой тренировки запыхавшийся, но довольный комсорг высказал Марату комплимент, заверив, что у него безусловно есть педагогический талант, и пообещал проработать вопрос об организации секции. Причём,

по его мнению, группы должны быть не только детско-подростковые, но и для взрослых.

А что? Хорошая идея. Только, справится ли Марат с такой нагрузкой: две тренировки в день. Хотя, это же не каждый день... Ладно. Разберёмся.

Надо уже на вокзал выдвигаться.

Приехал в Брянск заранее. До прихода поезда Инны осталось ещё очень прилично времени. Решил съездить, посмотреть на дом Клары Васильевны. Может, хоть окна открою проветрить.

Дом нашёл легко, Клара Васильевна подробно расписала маршрут. Запах в доме реально был сильный и довольно неприятный. Пахло затхлостью и чем-то прокисшим. Хотел открыть окна, а тут оказались рамы без форточек. Присмотрелся, на внешних рамах форточки есть. Это что же, они на зиму вторые рамы вставляют каждый год? Как же их убрать?

Нашёл в сенях стамеску. Вернулся к окну, осмотрел раму, заметил крепёж с двух сторон, вытащил. По периметру рама была плотно проложена паклей. Поддел раму стамеской, потихоньку пошла. Провозился какое-то время, вынул раму, приставил к печи и подпёр стулом, чтоб не упала. Открыл форточку. Наверное, нет смысла вынимать остальные рамы. Одного открывающегося окна пока хватит. Оставил форточку открытой и поехал встречать Инну.

Она приехала с двумя большими чемоданами, одним

поменьше и коробкой, перевязанной верёвкой. Понятно, что очень обрадовалась, увидев меня на перроне. Еле допёрли всё это вдвоем до дома Клары Васильевны.

Сестра была приятно удивлена наличием жилья. Сюрприз удался! Дом уже почти проветрился. Инне останется только просушить постели в ближайший солнечный день.

Стали разбираться с печкой. Принцип действия у них у всех один и тот же. Тяга... Заслонки... Но для меня все же, как для обитателя московской квартиры, не совсем все понятно. Непокойно на душе. К счастью, Инна лучше меня в этом разбиралась. Оно и понятно, она выросла в частном доме, в отличие от меня. Мы с ней затопили печь, как и советовала хозяйка. Сразу стало теплее и уютнее.

Затем пошли по магазинам – разжиться всем необходимым. Запасы у старушки были, конечно, но неудобно же их разорять. Так что мыло, масло, крупы, сахар, и все остальное по списку потребовалось купить и помочь сестре донести до дома.

Со всеми этими хлопотами на пятичасовой дизель до Святославля в итоге я опоздал. Единственный запасной вариант – автобус. Инна проводила меня до автостанции. Договорились с ней, что как только у неё будет возможность, она найдёт в больнице Эмму и возьмёт под контроль её лечение. Она пообещала позвонить мне на работу, когда ей станет что-то известно.

Мы попрощались очень тепло. Инна даже слезу пустила,

когда я уже сел в автобус и махал ей в окно, чтобы она шла домой. Сама уставшая, с дороги же... Расчувствовалась.

Уснул в автобусе. Пока доехали, успел хорошо вздремнуть.

Дома меня ждали все: бабушка, мама с Аришкой на руках, Клара Васильевна с пацанами и Никифоровна. Когда я вошёл, меня встретили дружным: ну что?

Они сидели за столом. Присоединился к ним. Меня тут же стали кормить. Рассказал им, как всё прошло, что раму одну вынул, чтобы дом проветрить.

— А мы их последние лет пять вообще не вынимали, — сказала Клара Васильевна. — Надо проветрить — дверь открывали.

— Понятно, — ответил я. Когда Инна соберётся от них съезжать, надо будет не забыть раму на место вставить. Вернуть, так сказать, в первоначальное состояние.

На следующий же день Инна отзвонилась мне на работу, сообщила, что в больнице уже побывала, начала оформление. Эмму нашла, состояние её пока неизменно. Очень сожалела, что не успела пересечься с её лечащим врачом, пока она до нейрохирургии добралась, у него уже рабочий день закончился. Теперь до понедельника ждать.

На выходные Инна примчалась в Святославль с кучей обновок для дочки. Провожая её на автостанции, обратил внимание, что в этот раз она уезжала с улыбкой на лице, зная, что через пять дней вернётся, а не так, как в прошлый раз.

Неделя пролетела незаметно. Дом, школа, работа. Зарядка с Маратом по утрам. Потеплело. На улице по утрам уже было больше народу. На наши утренние тренировки обратили внимание, почти каждый день к нам кто-нибудь присоединялся, и вскоре мы стабильно собирались на стадионе командой человек в десять.

Сатчану очень понравилась та первая тренировка с Маратом. В итоге он всерьез взялся за это дело, выбил ему зарплату на заводе. Настоял на трёх тренировках в неделю для работников завода в заводском клубе и сам начал их дисциплинированно посещать.

Работа с детьми пока была вынужденно на паузе. Она требовала профессиональной подготовки и соответствующего диплома. Изучив вопрос и посоветовавшись с кем-то в горкоме, Сатчан предложил Марату пройти переподготовку и получить второе образование в педучилище по ускоренной программе. В педучилище Сатчану пообещали зачесть Марату часть предметов на основании уже имеющегося у него диплома автослесаря, а остальную программу пройти экстерном с вечерними группами. За год-полтора Марат, при желании, может получить диплом учителя физкультуры.

Загит всецело одобрил такой вариант. Он даже обрадовался, что сын станет профессиональным детским тренером по самбо. И Марат, хотя вначале и сомневался, после батиного благословения дал свое согласие на переобучение.

Алироевы втянулись и сами закаляли Аришку, устраивая

шоу для всей улицы. После зарядки, пока малая весело плескалась в тазу с игрушками, Ахмад её окатывал прохладной водой и начинались гонки по двору. Малая с визгами удирала от мамы, держащей полотенце в руках. Это превратилось в обязательную часть программы. Мама стала надевать на малую сандалики, опасаясь, что та наколет обо что-нибудь ножки. Ахмад так и обливал её обутую.

Никифоровна утатила бабушку в Подмоскovie смотреть дом, пока его не продали. Остался в хате один, так непривычно. Мама поначалу пыталась приходить ко мне готовить. На что велел ей не маяться дурью.

– На тебе и так работа, дом, муж, ребёнок маленький, – сказал я ей. – Думаешь, я сам не справлюсь?

Мама смущённо пожала плечами, видимо, вспомнив мой подарок ей на свадьбу.

– Обещаю, как только мне захочется супчика, я приду к тебе в гости.

На этом мы эту тему закрыли. Не хватало ещё ей разрываться на два дома.

Тема предстоящих выпускных экзаменов вышла на первое место. Все усиленно готовились. Мы по очереди каждый день ходили к Славке, помогали ему повторять и сами повторяли. Славка, к счастью, прекратил хандрить и ожил. Молодой организм делал свое дело. Друг постепенно поправлялся, приходя в норму и возвращаясь к своему привычному состоянию. Вот только улыбаться почти перестал. Ко второ-

му письменному экзамену врачи обещали снять со Славки гипс. Директор школы договорился с РОНО, что первый экзамен, алгебру, Славке зачтут по годовой оценке.

Я каждое утро перед школой стал делать небольшой крюк, отводить старшего из братьев Эммы в садик. Младшего Клара Васильевна отводила в ясли сама. Вечером ей приходилось забирать обоих, но там уже никакой спешки не было, так что она успевала не спеша, сама забрать внуков.

Юля и Игнат вручили мне открытку, в которой приглашали меня и Галию на торжество, посвящённое их бракосочетанию.

Ох, мне срочно нужно найти свадебный подарок!

Глава 5

Май 1971 г. г. Святославль.

В школе началась подготовка к Последнему звонку и Выпускному. После удачного выступления с докладом на Девятое мая я, как комсорг класса, предложил поручить Тимуру выступление с благодарственной речью от учащихся педагогам. Все официально, прямо в классе, при всех. Где он был единственным школьником, которого выгнали из комсомола.

– Да вы в своём уме?! – спросил нас Тимур. – Где я? И где благодарные ученики?! Да меня же недавно выперли из комсомола!

– Ты не прав, – ответил я ему. – Как раз ты – наглядный пример мастерства наших учителей и их педагогического таланта. Сам посуди. При всех своих хулиганских выходках ты доучился до конца, школу не бросил и не вылетел из неё. Мало того, ты вышел на экзамены с хорошим уровнем подготовки. Хорошие оценки хронического зубрилы – это одно. А хорошие результаты хронического хулигана – это совсем другое. Да к тому же, кого удивит выступление отличника? Это обычное дело. Такое никто не запомнит. А вот если ты на сцену поднимешься, то учителя дар речи от удивления потеряют, и наш последний звонок им точно запомнится. Так что, тебе выступать. Я – комсорг, я так решил и пред-

лагаю на нашем комсомольском собрании одобрить это решение. Под мою персональную ответственность.

Тимур ухмыльнулся, вздохнул тяжело скорее для виду, но возражать не стал. Идея напоследок удивить учителей ему определенно понравилась.

Бабушка с Никифоровной вернулись через неделю. Впечатления у бабули остались, в целом, хорошие. Она с восторгом рассказала про дом, который они с Никифоровной нацелились купить, про участок, соседей. Но смущал сам переезд.

– Здесь дочь с мужем рядом. А там? – спрашивала она с сомнением.

– Это пока, – возразил ей я. – А если Ахмад переведётся в другое место работать?

– Куда это, например? – удивилась бабуля.

– Да много разных вариантов. Может, сам Ахмад решит, что перерос Святославль в профессиональном плане. Может, Шанцева повысят, переведут поближе к Москве. – Бабушка усмехнулась. – А что? Он же ещё молодой, завод под его руководством на хорошем счету, план выполняет. Если его переведут, он и команду свою с собой потащит.

– Переведут, скажешь тоже, – вздохнула бабуля. – Директора, который справляется, без необходимости дергать не станут. Здесь кого вместо него ставить? А вдруг не потянет должность? А вдруг завод перестанет план выполнять? Никому это не надо. Пока работает и план выполняет, здесь

будут держать. Да и пенделей ему недавно дали за масштабное воровство на предприятии, сам же знаешь. Тоже как-то не тянет на образцового руководителя, которого надо в Москву тянуть.

– Ладно, не в Шанцеве дело ведь, – я примирительно кивнул. – Ахмад и сам перевестись может, если захочет. Да и Аришка подрастает. Без проблем смогут к вам в отпуск ездить.

Бабушка сидела вся в сомнениях. Переезжать она явно побаивалась. Она от поездки налегке утомилась.

– Надо будет тебе весь переезд в Брянске у Инны, точнее у Клары Васильевны в хате, переждать. Я сам с Никифоровной перееду, а потом за тобой вернусь.

Машину на заводе выпрошу, Ахмада подключу. Тимура или Марата попрошу со мной съездить, помочь загрузить, разгрузить всё наше барахло. Никифоровна там останется, а я за бабушкой поеду. Так бабуле точно легче будет, в том числе психологически.

– Сколько соток земли при доме? – поинтересовался я.

– Сорок.

– Не отберут? Слышал, что только членам колхоза столько оставляют.

– Не отберут. Во-первых, нас там двое хозяев будет, по полдома у каждого. Во-вторых, Аня предлагает нам в колхоз пойти немного поработать. Год-полтора отработаем и на пенсию уйдём. Никто излишки не отберёт.

– А кем вы работать собрались? Надеюсь, не доярками?

– Им бухгалтер нужен, я бы пошла. И Аня себе найдёт что-нибудь... Там учётчика нет на МТС, нянечка в сад нужна, сторож в клубе... найдёт работу.

– О, даже работа есть. Но только на полставки иди. Ты своё уже отработала.

Больше бабушке возразить против переезда было нечего.

– Начинайте потихоньку продавать дома, – сказал я бабуле, положив свою ладонь на её. – Пока продадите, я экзамены сдать успею и в Москву поступить. Спокойно перевезу всё.

Она кивнула обречённо. Даже стало жаль её. Столько лет здесь прожила, дочь, внуков вырастила. Конечно, не хочется уезжать. Но надо. В деревню, как там её, забыл, мне из Москвы легче доехать, бабушку провести, чем в Святославль. Надо будет еще маме посоветовать с бабулей переговорить, убедить ее, что переезжать надо.

На этом расстроенные бабушки в моей жизни не закончились. Клара Васильевна, узнав о наших планах, откровенно расстроилась и даже немного запаниковала.

– Я тут совсем одна останусь, – с какой-то обреченностью в голосе сказала она.

– Подождите. А Герман? – напомнил я ей.

– Он на чужих мальчишек опеку оформил. За одно это ему огромное спасибо, – возразила Клара Васильевна. – Ещё и помощи просить с ними? Неудобно... Да и не общались мы раньше особо, странно все это будет.

– Да бросьте, – ответил я. – Думаете, мне трудно Кольку в сад водить по утрам? Ничуть. Мне приятно быть полезным и нужным. И всем так. Вы, главное, говорите людям, какая вам помощь нужна, не молчите. Увидите, вам с удовольствием помогут.

Успокаивал её, а сам думал, что её ждёт, если Эмма не восстановится полностью, когда из комы выйдет. Три инвалида на одну пожилую женщину? Надо, чтобы Славка сдал нормально экзамены и поступил хоть куда-нибудь. Иначе армия на два года. Клара Васильевна тут зашъётся одна.

Двадцать пятого мая Славка ещё лежал в больнице. Последний звонок прошёл без него. Когда Тимур вынес на плече первоклашку, никто не удивился. Он был выше и крупнее всех парней 10А. Но, когда он встал к микрофону, многие учителя растерянно начали переглядываться, а директор так и вовсе закашлялся, поперхнулся воздухом похоже.

Я внимательно рассматривал лица учителей. Равнодушных не было. Мы определенно порвали все шаблоны своим выбором глашатая. Я не мог понять, чего на лицах педагогов читается больше, удивления или тревоги. Все-таки репутацию мой братишка успел себе наработать специфическую. Но Тимур выступил очень искренне и на удивление корректно. Не иначе, Диана помогла с речью и проконтролировала результат. И когда сразу за ним мы все дружно запели «Тропинку школьную мою», многие учителя прослезились. Тимур сходил со сцены очень довольный собой, а когда Ветка

подскочила к нему и поцеловала в щеку, так и вовсе расцвел.

Впереди у нас выпускные экзамены. Расслабляться некогда от слова совсем. Расходились с последнего звонка все сосредоточенные и задумчивые. Через неделю сочинение. Кто ещё не успел, переписывали расписание предэкзаменационных консультаций. Я оценивал свою готовность к экзаменам довольно позитивно. За последние месяцы успел вспомнить все, что забылось, появилась уверенность в большинстве предметов. Даже французский уже не казался такой недостижимой целью. Я в нем был стабильно плох, конечно, но на тройку точно способен вытянуть.

Инна приезжала каждые выходные, останавливалась у нас с бабушкой, забирала малышку у Алироевых и давала им передохнуть. Аришка уже привыкла к закаливающим процедурам, и мы с Инной гоняли её мокрую по двору также, как мама с Ахмадом, устраивая побудку всей улице.

В отличие от мамы, Инна позитивно отнеслась к закаливанию, её очень вдохновил результат: малышка выглядела гораздо здоровее и чувствовала себя намного лучше. Инна была даже не против хождения по снегу босыми ногами зимой, сама это предложила. Я только усмехнулся. Посмотрим, надо ли будет до этого доводить. Как по мне, если малая болеть перестанет, уже прекрасно. Делать из нее «моржонка», способного спать в снегу и убивать пойманную своими руками добычу, совсем не обязательно. Тем более, что ближайшая доступная мелкой добыча – это мой Тузик...

По поводу Эммы Инна переговорила с ее лечащим врачом. Его беспокоило длительное пребывание Эммы в коме. Это неизбежно приведёт к атрофии мышц. Потом понадобится длительное восстановление. Однако это не самое страшное. Неизвестно, какой участок мозга пострадал и за что он отвечает. Когда Эмма очнётся, может оказаться, что она не сможет говорить. Или, возможно, она будет обездвижена на одну сторону. Или, у неё с координацией будут проблемы. Никто не берется сейчас прогнозировать, что ждёт Эмму после выхода из комы. Но то, что проблемы будут, это однозначно. Так что прогнозы врач делал очень осторожные, ободряя лишь тем, что организм у пострадавшей молодой и сильный, в таком возрасте восстановиться во много раз легче.

Инна по собственной инициативе несколько раз за день стала заходить в отделение к Эмме и интересоваться её состоянием. Медицинский персонал, после первого посещения Инной девушки, стал относиться к ней с большим состраданием, узнав, что у неё никого нет, кроме пожилой бабушки и дяди.

Через Инну удалось наладить прямой контакт с младшим медицинским персоналом, и противопролежневые мероприятия стали проводить интенсивнее и регулярнее. Так что с переводом Инны в Брянск нам во всех отношениях крупно повезло. Самостоятельно контролировать все нюансы, находясь в другом городе, ни у кого из нас, конечно, не получи-

лось бы.

Но день проходил за днем, а, несмотря ни на что, организм Эммы отказывался выходить из комы. Оставалось только ждать.

Первого июня все выпускники страны писали сочинение. Предлагалось на выбор четыре темы, которые стали известны только в день экзамена. Я выбрал свободную тему и писал про значение исторической литературы в воспитательном процессе и формировании полноценной личности. Самым сложным при подготовке для меня было запомнить дословно цитаты известных людей, чтобы вставить их в сочинение. Уложенный в голове набор цитат лучше всего лег именно на эту тему, так что я надеялся на высокий результат. С грамотностью у меня всегда все было в порядке.

Третьего июня написали алгебру и узнали результаты по сочинению. Мне поставили пять/пять. Доволен был невероятно. Сам от себя не ожидал. Сплясал нечто, отдаленно напоминающее джигу, прямо в коридоре перед вывешенным листом с результатами. Учитывая, что кроме меня, пять/пять получило еще всего четыре человека в классе, гордиться было чем. Юлька, получившая пять/четыре, недовольно нахмурилась.

– С запятыми, наверное, напутала, – пробурчала она, наблюдая за веселящимся мной.

Пятого июня поженились Иван Николаев и Вероника. Они гуляли свою свадьбу прямо у нас на улице, перекрыли

целый квартал от Первомайской до Школьной. Гармонистов было несколько, они обеспечивали непрерывное музыкальное сопровождение.

Гуляли с размахом. Присутствовал, по ощущениям, весь город. Встретил и Серёгу с Дианой, и Юльку с Игнатом. Они, как и я, были в числе приглашённых в ЗАГС, и Юлька с упоением делилась со мной впечатлениями, мечтательно представляя себя в роли невесты.

– Потерпи чуть-чуть, – улыбаясь, сказал ей. – Две недели до вашей с Игнатом свадьбы осталось.

А ведь я с подарком так и не определился. Если они уедут в Татарию, то ничего крупного с собой скорее всего брать не будут. Может потом, когда устроятся, приедут и заберут. Там на месте, в строящемся городе, не факт, что получится купить хоть что-то. Со снабжением могут быть вопросы. Хотелось бы что-то нужное подарить. Может, для будущего малыша что-нибудь? Интересно, как они сейчас относятся к приобретению детских вещей заранее? Помню, моя дочь категорически не разрешала до родов покупать детские вещи, боялась сглазить. Но это уже было позже. А из советского периода у меня таких воспоминаний нет. Вроде все заранее готовились. Попробую-ка удочку закинуть.

– Детское приданое когда будешь собирать? – между делом спросил я подругу.

– А всё готово уже, – неожиданно заявила Юлька. – Мама после брата все вещички выстирала и убрала до поры,

до времени. Пелёнки, распашонки, шапочки – всё есть. Только марли новой достали на подгузники. Кроватка и ванночка есть. Только коляски нет. Дед тележку сделал из нашей с братом коляски, когда мы выросли. Надо будет что-то придумывать.

О! Хорошо, что спросил! Теперь ясно, что дарить.

Встретил ещё Германа, он посидел недолго за столом и пошёл искать Клару Васильевну по каким-то своим делам. Но задача эта оказалась совсем непростой. Вся улица была занята столами и празддно шатающимся народом. Дети бегают, кто-то танцует... Герман походил немного, а минут через десять я неожиданно увидел его сидящим за столом с какими-то смутно знакомыми людьми. Тоже, явно, соседи. Зрительно знаю, а лично не знаком. Интересно стало, а Клару Васильевну он таки нашел или по дороге к цели, забыл о цели?

Множество столов составили в один длинный стол. Молодые периодически появлялись то в одном, то в другом конце. Никакой общей культурной программы и тамады. Но всем весело, никто не грустит.

Столы ломились от домашних разносолов. Огурцы и помидоры солёные и маринованные, квашеная капуста: с морковью и без, крупными кусками и мелко нашинкованная, со свеклой, с клюквой, с яблоками. Мочёные яблоки отдельно. Кучами лежали в корзинках пироги, пирожки и плюшки всех видов. Очевидно, что всё это дело рук разных хо-

заяк. Сало и домашняя колбаса лежали горками. Водка подавалась ящиками. Вокруг столов самоорганизовалась танцплощадка. Чуть позже на столах появился самогон. Весь вечер некоторые столы соревновались между собой в частушках. Чем ближе к ночи, тем более фривольными становились куплеты.

Разошлись только с наступлением темноты. Судя по тому, как растаскивались по домам столы, стулья, табуретки и посуда, в организации этого застолья принимала участие вся улица. Некоторые компании после уборки столов плавно переместились на лавочки у калиток, догуливать.

Вернулись с бабушкой домой уставшие. С улицы неслись нестройные голоса и звуки гармонии. Тузик попытался пару раз «подпеть», но после моей мрачной угрозы выгнать в сени, замолчал. По интонации, похоже, понял, что не быть ему певцом. Умный пес растет. Спать легли практически сразу. В понедельник очередной экзамен, надо готовиться.

Работу не бросал даже в дни экзаменов, хотя Ирина Викторовна и предлагала не приходить. После школьной суматохи, тихая атмосфера бухгалтерии меня расслабляла и давала возможность перезагрузиться. Выполняя привычные рутинные расчеты, мозг отдыхал. К тому же времени все это особо много не занимало, так что освобождался я каждый день достаточно рано. Когда расследование на заводе закончилось и страсти поутихли, все вернулось к обычному режиму. Так что нагрузка моя уменьшилась. И по комсомольской

линии Сатчан меня не загружал, строго велел сдать экзамены как следует, ни на что не отвлекаться, поэтому времени хватало.

Марат продолжал нас тренировать каждое утро на школьном стадионе, но минут по сорок пять, этого, конечно, было недостаточно. Основные тренировки проходили на заводе. Но нашей компании, за исключением меня, туда без специального пропуска было не попасть. В итоге Сатчан придумал еще одну инициативу и организовал для посещения всеми желающими тренировок на территории завода специальный вид пропусков «спортивный» и всерьез задумался об организации тренировок в городе. Марат в тренерскую работу втянулся и был полон энтузиазма. Ему явно нравилось. К тому же дополнительные тренировки сулили и дополнительный заработок, что тоже добавляло мотивации.

Настроение у меня сильно улучшилось, когда после свадьбы встретил на улице Ивана. Со слегка опухшим лицом, самогона ему пришлось на свадьбе выпить много, чтобы всех соседей уважить, но уже всего в работе. Я об этом по форме догадался и особому выражению на лице, которое у него как-то загадочно всегда отражало для хорошо знавших его людей, при исполнении он или нет.

– Тебе чего, даже день отгула не дали после свадьбы? – поразился я.

Не, я все понимаю – СССР, 1971 год, ни о каком свадебном путешествии на Мальдивы и речи нет, но, блин, зачем же

так зверски-то?

– Дали, – сказал Иван, – и забрали. Терентьев Колька так хорошо у меня отпраздновал, что, когда шел домой с братом, ногу сломал. Капитан сказал, что это я виноват – не надо было так товарищей спаивать. Так что никакого отгула!

– Вот это жесть! – сказал я искренне.

– Какая жесть? – удивился Иван, – впрочем, неважно. Я что хотел тебе сказать – провели психиатры экспертизу этого придурка, что люки воровал. Сядет он, по полной. Никакой он не kleптоман оказался, просто жадный дурак.

Глава 6

Июнь 1971 г. г. Святославль.

Три экзаменационные недели пролетели в один миг. Даже я – стреляный сколько раз воробей, и то морально вымотался, что уж говорить про реально молодых друзей и одноклассников. Забыл уже, конечно, каково это было: почти все предметы надо сдавать, настоящий марафон. Кроме учебы вообще почти ни о чем не думал, отвлекаться было некогда. Одна химия у меня сколько крови попила – но при помощи занятий с Галией знания восстановил, и свою обещанную пацанам пятёрку получил-таки.

У одноклассников доходило до нервных срывов. Маринка Жилина отвечать на физике пошла и в голодный обморок упала. Не позавтракала и на экзамен пошла, как объяснила, от волнения, видите ли, ни есть, ни пить не могла. И что в итоге? Никаких скорых, паники, как могло бы быть в 2023. Её физичка с Кириешкой просто сладким чаем тут же отпоили и экзамен продолжился. Как говорится, сталь закаляется в огне.

Ещё был интересный момент. На литературу Света Герасимович пришла со шпаргалками. Ответы на все билеты она написала на отдельных листочках мелким-мелким почерком. Пришила в два ряда к платью бельевую резинку, прихваченную через равные промежутки, и подсунула под ре-

зинку все шпаргалки.

Готовиться её посадили на первую парту, под носом у самой комиссии. Она не пользовалась этими шпаргалками, сто процентов, я б заметил. Блестяще отвечала билет. И вдруг кто-то заглянул в класс, открыв дверь. Светка оказалась на линии сквозняка между открытой настежь форточкой и дверью. Кружевной белый фартук взлетел и явил на мгновение на всеобщее обозрение Светкины шпаргалки, прекрасно заметные на фоне коричневого платья.

Вся комиссия как по команде мгновенно опустила или отвела от Светы глаза, типа, мы ничего не видели. Но сама она так растерялась и испугалась, что не смогла закончить свой ответ. Ей и вопросы наводящие задавали, и откровенно подсказывали. Она не смогла опомниться. Так четвёрку и получила.

Ну да, она в универе не училась, правильно оснащаться и пользоваться шпаргалками не умеет. До всего приходится своим умом доходить. А я вот после универа, если бы захотел списывать, то сделал бы все по высшему разряду. У нас там такие мастера были – помню девчонку, которая умудрялась с учебником под платьем на экзамен проходить. И списывала так, что ни разу не поймали.

А в остальном всё было ожидаемо. Никто экзамены не завалил. Хорошистов, не ответивших на четыре по билету, вытягивали дополнительными вопросами. Никого специально не валили. И даже по французскому меня вытянули на че-

тыре, видимо из-за того, что все остальные экзамены на отлично сдал.

Четвёрка по французскому – это мой позор. Мне её явно подарили, а не заслуженно поставили. Похоже, наша учительница одна из всей комиссии знала французский. Она продолжительное время задавала мне простейшие дополнительные вопросы, на которые нельзя было не ответить, и со стороны могло показаться, что мы с ней беседуем на французском. В принципе, получилось забавно, хотя и не люблю себе такие поблажки давать. Так и привыкнуть можно.

Славка отстрелялся очень хорошо для сложившейся ситуации, без троек. Надо сказать, что мы его неплохо так поднатаскали. Почти половина класса в итоге участвовала. Девчонки, узнав, что мы его к экзаменам готовим, тоже подтянулись и, не слушая никаких возражений, по очереди ходили в больницу. Еще и еду Славке таскали домашнюю в изобилии. Так что поправлялся он во всех смыслах.

Юлька получила только одну четвёрку за сочинение. Мишка, Диана, и Вета тоже отстрелялись на четыре-пять. Тимур ухватил-таки пару трояков. Слишком поздно за ум взялся, чтобы все успеть подтянуть. Но доволен все равно был невероятно. Для него полученный средний балл 4,2 был пределом мечтаний. Сказал, что проставляется всей компании после экзаменов и пригласил домой. Даже интересно, как его мать к такой идее отнесется? А еще интересно,

как мы все эти празднования выдержим? Экзаменационный марафон плавно перешел в марафон застольный.

Выпускной должен был состояться двадцать второго. А девятнадцатого в субботу мы гуляли на свадьбе Юльки и Игната. Оторвались!.. Сбросили всё напряжение от экзаменов.

Парни с механического завода минут сорок только к Юлькиному дому пробивались через препятствия, устроенные подружками невесты. Славка, извинившись, сначала на свадьбу к Юльке отказался идти, хотя ему уже и со второй руки гипс сняли. Пришлось поговорить с ним серьезно. Договорились, что побудет в начале, поздравит, а потом уже сам решит, когда домой. Что это за дела – всю жизнь дружили, а на свадьбу не идет.

Меня припахали по полной, носился весь день со всякими невестиными поручениями. Вроде не подружка, но как-то угораздило... Всю округу с утра подняли дерзкими частушками. Детворы набежало!.. Да и взрослых немало пришло поглазеть. Серёга Дианин был свидетелем, а свидетельницей хотели Вету назначить, но ей ещё восемнадцати не исполнилось. Попросили свидетельницей побыть мою Галию. Кто бы мог подумать...

Подруга очень серьёзно отнеслась к этому поручению, готовилась. Чтобы парни на выкупе не стояли совсем неподготовленными с выпученными от удивления глазами, мне было благоразумно поручено втихаря поставить Серёгу в из-

вестность о предстоящих ему и друзьям жениха испытаниях. У парней был такой вид перепуганный, когда я им вкратце все рассказал, что я испугался даже, что они вообще не придут.

Настасья, мать Юлькина, взяла на себя организацию свадебного застолья. Точнее, как потом рассказывал Юлькин дед Терентий, как следует выпив на свадьбе, Настасья воспользовалась нашим советом и побежала на работу представляться на следующий же день. Коллеги, оживившись в предвкушении праздника, подсказали ей устроить торжество в столовой родного завода. Получив поздравления и одобрение в родном коллективе, Настасья успокоилась и с энтузиазмом занялась организацией банкета.

Каравай, который разламывали молодожёны по традиции, реально был произведением искусства, сотрудники хлебозавода выпекали сами. Также они сами выпекли подарок от профсоюза – огромный красивейший сладкий пирог с яблочным повидлом размером метра полтора на сорок сантиметров. Его даже фотографировал представитель администрации завода. Из разговоров я понял, что стенгазету потом в столовой повесят.

На банкете присутствовало человек семьдесят. В отличие от уличной свадьбы под гармонь, здесь была возможность устроить и концерт, и танцы.

Хлебозавод имел свой вокально-инструментальный ансамбль, который попросили выступить на свадьбе. Ребята

очень достойно перепевали модные песни.

Много было приглашено коллег Настасьи, были знакомые с нашего завода, родня понаехала с обеих сторон, собственно молодёжи было не так много, но всё равно все прошло очень весело. И был ведущий, тот самый представитель администрации. В его функции, видимо, входило следить за гостями, чтобы они заводскую столовую не разнесли, и он предусмотрительно взял управление весельем на себя.

Ещё на свадьбе мамы я обратил внимание, что невеста не бросала незамужним девушкам свой букет. Ещё не прижилась, наверное, эта традиция. Но Галие я рассказал, что вот, мол, есть такая развлекуха. Надо сделать маленький аккуратненький букет, плотно укутанный бумагой, чтобы не сильно повредить цветы, когда девушки будут его ловить.

Ей идея очень понравилась. Она долго смеялась, представляя себе, как незамужние девушки будут драться за букет. Дальше я этой темы больше не касался и, когда в загсе увидел в руках у Юльки маленький букет из разноцветных бутонов пионов, сразу догадался, что нас ждёт.

Когда пришёл черёд бросать букет, пришлось самому руководить процессом. Юлька не сразу поняла, что от неё требуется, даже показал для наглядности, как надо замахиваться. Но, в конце концов, Ветка стремительным движениемхватила букет и не оставила никому шансов, хотя соперниц у неё было человек двенадцать.

Успех этого аттракциона превзошёл все мои ожидания. Публика сразу потребовала то же самое провести для холостяков. Не стал никому говорить, что для этого нужна подвязка, снятая с ноги невесты. Нечего невесту в краску вгонять. Да и жених от такой идеи явно в восторг бы не пришёл. Посмотрел бы я на того смельчака, который бы захотел ловить подвязку, снятую с ноги невесты простого советского сварщика. Без мордобоя точно бы не обошлось. Поэтому холостякам невеста бросала галстук жениха. Такая вот получилась вольная импровизация.

Тимур встал в центре группы холостяков в позе вратаря, никто не пытался ему помешать, и вскоре счастливая Ветка повисла на шее победителя.

– Не забудьте пригласить на свадьбу! – строго наказал я им.

Танцы под магнитофон завершились за полночь, никто никого не выгонял, люди сами как-то начали расползаться после девяти часов вечера.

Серёга, на совесть отработав свидетелем, в конце вечера сильно расслабился, и Диана уволокла его домой.

Мы одни с Галией помогали потом молодожёнам переносить подарки домой к Игнату. Их столько набралось, что даже пожалел, что поздравил и вручил им коляску накануне. Юлька была на седьмом небе от счастья. Мы умудрились с Ахмадом в Брянске урвать в центральном Детском мире ГДР-овскую модель с окошечками сзади и по бокам, благо-

родного тёмно-синего цвета, подойдёт и для мальчика, и для девочки. Сейчас бы как раз всё в неё сложили и спокойно покатали бы домой.

Но вчера я думал, что нельзя такой прозрачный намёк делать при всём честном народе, думал, что не обязательно всем гостям знать, что молодые уже ждут пополнения. Хотя, как оказалось, все всё прекрасно знали и пили за будущего малыша не меньше, чем за свадьбу как таковую. Маленький город – своя специфика.

– Когда вы собираетесь в Набережные Челны отчаливать? – спросил их я, когда мы уже поднялись к Игнату.

– Я на следующей неделе, сначала один поеду, устроюсь, – ответил Игнат. – Потом уже за Юлей вернусь.

– Вот это правильно! – одобрил я его план. – У Галии там родственники, возьми, пожалуйста, передачку для них, очень просили передать.

– Само собой, – пообещал Игнат, и мы распрощались ещё раз, поздравив молодых с началом семейной жизни.

У меня камень с души свалился, когда услышал, что Игнат не собирается тащить Юльку в никуда. Она, конечно, молодая и сильная, но такие проверки на прочность здоровья не добавляют, как ни крути.

На следующий день после свадьбы, как и договаривались, закатились вечером к Тимуру. Компания собралась довольно большая. Кроме нас с Галией и, естественно Ветки, был еще Серега, Мишка, Света Герасимович, несколько

друзей Тимура из предыдущего класса и пару наших одноклассников. Славка не пришел. С настроением у него сильно не ладилось, слишком много всего свалилось, понять можно, поэтому никто не обижался.

Меня лично больше всего тревожило грядущее общение с матерью моих брата и сестры, но, как оказалось, волновался зря. Оксана была явно настроена сделать детям веселый праздник, накрыла отличный стол и разговаривала со всеми очень приветливо. А потом и вовсе ушла тихо в свою комнату, появляясь эпизодически, чтобы помочь девчонкам что-то убрать со стола или принести.

Многие из нашей компании накануне погуляли у Юльки на свадьбе, поэтому веселиться до упаду и качаться на люстрах не хотели. В итоге мы просто замечательно посидели, общаясь, делясь планами на будущее и распевая песни под гитару. Расходились по домам далеко за полночь. Как сказали довольные девушки, это получились самые душевные посиделки с друзьями на их памяти.

К выпускному со Славки сняли гипс.

Выпускной на фоне Юлькиной свадьбы и вечеринки у Тимура сначала показался слишком официальным и занудным. Нас всех собрали в актовом зале. Родители, выпускники, какие-то дети, учителя, суматоха... На сцене президиум. Раздача аттестатов.

Но потом объявили прощальный вальс с педагогами. Меня захлестнула ностальгия, и всякую скуку как рукой сня-

ло. Танцевал с удовольствием, прислушиваясь к ощущениям. Пашка явно танцами не увлекался, но я в прошлой жизни вальс освоил неплохо и сейчас пытался заставить тело освоить навыки, известные мозгу. Получалось вполне прилично. Жаль, я не смог походить на репетиции, которые для нас проводили в школе, не до того было. Если бы ходил, танцевал бы еще более уверенно, но тут уж как есть.

После вальса наши девчонки спели какую-то красивую, грустную песню «Десятый класс», даже не слышал никогда. Слезы подступили, наверное, у всех. Мама с Аришкой на руках уткнулась в плечо Ахмада. Бабуля держалась.

С интересом разглядывал наших девчонок на сцене, некоторых первый раз видел без школьной формы, в обычной одежде. Платья на выпускной у всех были очень скромные, совсем не вечерние. Никаких шпилек, простые туфли на каблуке. В школу все ходили или с косами, или с хвостом, а тут причёски сделали, макияж, сразу повзрослели. Некоторых увидел как будто впервые, настолько разителен был контраст.

Но потом началось что-то необычное. Педагоги всем составом вышли к микрофону и спели нам забавные частушки про каждого из нас. Многие одноклассники, судя по изумленным лицам, просто выпали в осадок. Чего не ожидали, того не ожидали.

В конце, в своём обращении к нам, директор сказал, что мы самый необычный класс в его практике, что двери

школы всегда будут открыты для нас, здесь каждого ждут, за каждого переживают и каждому из нас желают достичь того, на что мы способны. А способны мы на очень многое!

Нас собрали вместе для группового фото. Не заметил профессионального фотографа, но несколько из присутствовавших пап не выпускали Зениты из рук. Они же активно, с разных сторон фоткали нас, когда аттестаты вручали.

Где-то в половине девятого все прошли в наш класс, где родителями уже были накрыты столы. Одноклассники оживились, увидев на столах вино и шампанское. Начался банкет под присмотром взрослых. Хотя, кое-кто из наших умудрился протащить заранее более крепкий алкоголь и спрятать его в мужском туалете. Немного, но хватило, чтобы сделать праздник незабываемым. Хорошо, что аттестаты у нас родители отобрали и унесли домой.

Часов в одиннадцать где-то зазвучала музыка, и подогретая и засидевшаяся молодёжь рванула в спортзал. Танцевали часов до трёх утра, а потом по традиции пошли встречать первый рассвет нашей новой взрослой жизни. Кое-кто из девчонок дошёл до Площади, неся туфли в руках. Не привыкли на каблуках ходить. Встретив символический рассвет на площади у горкома, мы разошлись по домам. Как и всегда, выпускной вызвал у большинства смешанные чувства. С одной стороны, радость и предвкушение знакомства со взрослой жизнью, когда ничего еще не знаешь и кажется, что все дороги для тебя открыты. А с другой стороны, грусть и по-

нимание того, что один из этапов подошел к концу, все разъезжаются кто куда и совершенно непонятно, пересекутся ли в будущем наши дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.